Литературный журнал любителей

БУЛЬВАР ЗЕЛЁНЫЙ

№ 2, декабрь 2014 г.

Руководитель – **Виктор Власов**
Редактор – **Иван Таран**
Корректор, менеджер по работе с авторами – **Анастасия Орлова**
Общественный совет: **Пётр Кузин**, **Владимир Стацинский**, **Илья Сырьев**, **Алексей Шинкеев**
Художники: **Анжелика Ермакова** (обложка), **Анна Секерина**
Издательство – **Полиграфический центр «КАН»**

Тираж 300 экз.

Журнал издаётся на средства авторов.
Авторы предоставляемых материалов несут ответственность за их достоверность.
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением автора.
При перепечатке или использовании материалов ссылка на журнал «Бульвар Зелёный» обязательна.

Журнал «Бульвар Зелёный» принимает рекламу от заказчиков.

16+

Рукописи, отзывы и предложения направлять по адресам:
yanataranchek@yandex.ru (Анастасия Орлова), **vicos@inbox.ru** (Виктор Власов)

Омск
2014

Содержание

Фёдор Шилов (Санкт-Петербург). Сказки . . . 3
Александр Мличковский (Украина). Айсберг . . . 12
Елена Кисель (Беларусь). Скальпель для слова . . . 14
Елена Земцова-Кузина (Бельгия). Художник по эмоциям . . . 17
Василий Костриков (Омск). В командировке . . . 20
Пётр Кузин (Омск). Горемыко . . . 23
Юрий Мартишин (Электросталь, Московская область). Стихотворения . . . 26
Алёна Староверова (Королёв, Подмосковье). Избранное . . . 27
Михаил Козлюк (Екатеринбург). Стихотворения . . . 32
Максим Пичугин (Таганрог). Записки юного метафизика . . . 33
✽ **Яна Долинская** (Омск). Стихотворения . . . 34
Надежда Николина (Семибратова) (Омск). Стихотворение . . . 36
Ольга Беляева (Омск). Стихотворения . . . 36
Анна Вишневски (Омск). Стихотворения . . . 37
Саша Седельников (Омск). Стихотворения . . . 38
✽ **Марина Милинчук** (Омск). Стихотворения . . . 38
✽ **Татьяна Рэйн** (Омск). Стихотворения . . . 40
✽ **Роман Порубов** (Рязань). Стихотворения . . . 42
Александр Беспалый (Омск). Стихотворения . . . 44
Анастасия Орлова (Омск). Семейная драма . . . 45

✽ – первая публикация автора

Уважаемые читатели!

Приглашаем всех авторов к изданию журнала.

Ваш авторский взнос составит:
– за 1 колонку поэзии (50 стихотворных строк) – 150 руб.;
– за 1 страницу прозы (4500 знаков с пробелами) – 450 руб.

Цена журнала – 100 руб.

© Коллектив авторов, тексты, иллюстрации, 2014
© Издательство, Полиграфический центр «КАН», 2014

Фёдор Шилов
Санкт-Петербург

Фёдор Михайлович Шилов. Родился 4 марта 1986 года. В 2005 году окончил Медицинский колледж им. В. М. Бехтерева, а в 2013 году – Санкт-Петербургский Государственный Педиатрический Медицинский университет. В настоящее время является ординатором кафедры судебной медицины Военно-Медицинской Академии. На досуге пишет стихотворения, прозу и песни. Ведёт литературный кружок «Оранжевый клевер» при Центральной библиотеке Красносельского района.

Посвящается Саше Алещенкову

Димидия

Все удивительные приключения начинаются с мелочей. С крошечки, пылинки, капельки дождя. Это мне рассказал один волшебник. Так случилось и в нашей истории.

Однажды злой Колдун задумал стать самым богатым колдуном на свете. Он хотел, чтобы не только всё золото мира было его, но и чтобы всё вокруг по его велению превращалось в алмазы и изумруды.

Долго думал Колдун. Составлял зелья, пробовал разные заклинания, применял всю свою магическую силу, но никак у него задуманное не выходило.

И вот, в старинной книге самых древних волшебников он обнаружил обряд, который должен был помочь ему обогатиться.

Обряд был таким: нужно заговорить золотое колечко с драгоценным камешком специальными словами и бросить это колечко на пути женщины, которая скоро должна родить девочку. Как только женщина подберёт колечко, заклинание вступит в силу, а новорождённое дитя будет способно превратить в драгоценности всё, с чем столкнётся.

В тот же день Колдун отыскал в своих шкатулках перстенёк с небольшим, но дорогим камешком и отправился странствовать по соседним странам, отыскивая подходящую женщину.

В государстве под названием Филльвильдия, в деревеньке на шесть домишек, повстречалась ему молодая девушка, Фиолита, готовящаяся стать матерью. Ходил-бродил он вокруг да около её избушки, чертил магические узоры, смотрел в свои колдовские шары и узнал, наконец, что родится в скором времени у Фиолиты именно дочь.

Встал тогда Колдун у калитки, достал из мешочка перстенёк и начал приговаривать:

– Всё, чего рука коснётся,
Или голосом споётся,
Пусть в один короткий миг
В драгоценность обернётся.

Заговорил золотое колечко и бросил его недалеко от ограды. А сам затаился и стал ждать, когда же девушка мимо пройдёт да перстенёк его заметит.

Хитёр Колдун, но не знал он главного. В том же государстве, да в той же деревушке, только в доме напротив, жила ещё одна девушка, Розенфильда, и вскорости суждено ей было родить сына-красавца, ловкого да смелого.

Раздался рано поутру звонкий девчачий голос, и две радостные молодые женщины, Розенфильда и Фиолита, вышли спозаранку собирать цветы на лугу, чтобы сделать себе красивые веночки на голову да в косы бутоны ароматные вплести. Встретились на дорожке, разделяющей их дома, посудачили, как ночь прошла, сны обсудили – что и к чему снилось.

– Видела, – говорит Розенфильда, – я во сне ровное море и песок золотой, ни ветерка, ни дуновения!

– Тишь да гладь всегда к раздору снится! – предостерегла Фиолита. И тут взгляд её упал на заговорённое колечко. Так уж блестело оно на солнце, так уж мечтало, чтобы будущая мама его увидела, а уж Колдун и того пуще желал!

Подняла Фиолита перстенёк с камешком, только на палец примерить надумала, а Розенфильда как закричит:

– Отдай! Я его первая увидела!

Хоть и не видела вовсе! Только очень уж ей колечко взять себе захотелось.

– А я не поленилась, нагнулась и подняла! – не поддалась подружка, – так что это моё кольцо!

И снова пальчик в золотой ободок вдеть захотела. Рассердилась Розенфильда, выхватила у Фиолиты кольцо.

– Не отдам! – говорит.

Фиолита тоже рассердилась, да ещё хлеще, чем Розенфильда. Обратно свою находку у той отобрала и о землю хватила, что было сил, ещё и ножкой сверху притопнула.

– Никому не достанется, – вскричала она в гневе, – но и ты мне больше не подруга!

Сказала и ушла в дом.

– Не надо мне таких подруг, – в сердцах крикнула ей вдогонку Розенфильда, – кольца пожалела!

И тоже за своей дверью скрылась.

Колдун от досады и придумать не мог, что же теперь делать. Видел он ссору из-за угла соседнего дома, и как колечко ножкой в пыль Фиолита втоптала, тоже видел. Что же делать, как узнать, вступило ли в силу заклинание? Побежал Колдун искать в ближайшем лесочке ручей, чтобы на его быстрой воде погадать да попытаться найти ответы на свои вопросы.

Тем временем бабка – местная знахарка – колечко из пыли подняла и живо смекнула, в чём тут дело. Эх, не будет доброго соседства у бывших подружек, да и заклинание – она-то уж точно знала – начало действовать, раз уж Фиолита кольцо в руках подержала. Вот только не могла взять в толк старая знахарка – что теперь будет, ведь от камешка драгоценного осколок отломился!

Одно она знала наверняка: нужно деток, как только родятся, унести от родной деревни, втихаря, в темноте, чтобы Колдун и знать не знал, где заколдованная девочка теперь жить будет.

Вернулся Колдун от ручья, так и не получив однозначного ответа, глядь, а колечка и след простыл! Кто взял? Куда делась вещица?

Всю пыль в округе перерыл, отыскать пропажу пытался, но только перстенёк и обломок камешка у бабки-знахарки в деревянном сундучке на полочке притаились.

Через две ночи родили Фиолита и Розенфильда деток: Фиолита девчушку курносую да розовощёкую, а Розенфильда мальчишку ясноглазого да крепкого. Только порадоваться ни той, ни другой не пришлось. Схватила бабка кульки с новорождёнными и, пока матери в горячке бредили, в тёмную безлунную ночь унесла ребятишек подальше от отцового-материного дома.

Тьма стояла непроглядная, пятернёй хоть у самых глаз тряси – не увидишь. На ощупь, крадучись, быстро-быстро, как только могла, бежала бабка со своей ношей. Оказалась в городе – только на ощупь и поняла, мостовую каменную под ногами почувствовала. Пробежала ещё вперёд и положила первый кулёк на крыльцо – кому подбросила, знать не знала. А в кульке колечко оставила…

И снова вперёд заспешила. Ночь короткая, а ещё второго младенца пристроить надо. Снова положила она, не ведая куда, спелёнутого ребёнка, а в придачу осколок камешка в простынку завернула. И в обратный путь пустилась – поспеть бы до рассвета. Ноги быстро шагали, вот уже мостовая сменилась на просёлочную дорогу, а там и на тропку – ту, что дом её с задней стороны огибала.

Уж как горевали наутро Розенфильда и Фиолита, даже сказать страшно. Ссоры между ними как не бывало, уж и пожалели, что из-за колечка так повздорили. Просили они, просили, чтобы за восстановившийся мир между ними детушки пропавшие вернулись, только бабка-повитуха рот крепко-накрепко на замок закрыла и ни слова о своих ночных похождениях им не сказала. Ни к чему в деревне колдовские происки!

Прошли годы. Много. Семнадцать или даже восемнадцать.

Розенфильда и Фиолита жили-поживали, воспитывали каждая двух сыновей

и двух дочерей и о давней истории постарались забыть, но только в сердце у каждой мечта была – хоть разок пропавших сынка с дочуркой повидать.

Сынок Розенфильды тем временем жил в самом центре Филльвильдии, правда, на самой его окраине – в бедной-пребедной семье.

Имя подкидышу много лет назад дали странное – Дим.

– Что за имя такое? – изумлялись соседи слева, – где ж это видано, чтобы Филльвильдцев Димами называли?

– Это они, видно, с дочери королевской пример взяли, – ехидничали соседи справа, – те свою крошку Идией назвали!

– Как назвали, так и назвали, – отмахивалась Корофета, мать большого бедного семейства, – на ум пришло!

Найти ответ, как ей такое в голову взбрело, не получается. И сама не понимала, просто стала вдруг чужого ребёнка Димом кликать. Так и повелось.

– Как прокормить ещё одного? – хватался за голову отец семейства, седобородый Галаферд.

– Что само к дому пришло, то гнать не положено! – отвечала Корофета, а сама ту же думу думала, что и муж.

– Мужичок ещё один в доме, – бодрилась она и в следующий год, и ещё через год, и на третий, и на четвёртый, – вырастет, подмога матери с отцом будет.

Говорила, а сама уж и не верила – годы шли, а сынок ни пахать, ни сеять, ни жать, ни дрова рубить, ни воды наносить не мог. Руками слаб, ножками хил. Тоненький, как хворостинка. Ни силы богатырской, ни ума богатого, ни сердца рыцарского.

– Что ж за беда нам, Галаферд? – говорила Корофета, – почему сынишка такой сирый вырос?

О том, что Дим – подкидыш, они за всю жизнь ни разу не обмолвились.

– Ничего, жена, – отвечал Галаферд весело, – будут ещё у него ручищи, как вон те брёвна, а выносливости, как у тысячи быков!

Говорил, а сам тоже уже не верил.

Братья да сёстры посмеивались над неловким Димом, всё пытались ущипнуть да подножку поставить, и никакие родительские запреты их шалости остановить не могли.

Настал сегодня день совершеннолетия, а Дим как был чахлым да квёлым, так и остался – ни к труду не способен, ни к песням весёлым.

– Кто ж тебя такого в мужья возьмёт? – сказала вдруг за столом старшая сестра, – ты ж ни со скотиной не управишься, ни с плугом, так всю жизнь на печи просидишь.

– А я женюсь! – вдруг горячо воскликнул Дим, – обязательно женюсь!

– На ком же? – засмеялась старшая сестра.

– На дочке королевской – принцессе Идии!

– Ишь ты, – присвистнули братья, – куда хватил! Принцессу ему подавай! Идика лучше косу наточи, королевич!

Дим разозлился так, что ничто его успокоить бы не смогло, кроме женитьбы на принцессе. Собрал он маленький узелок, несколько крошек хлеба смёл в тряпочку и пошёл скитаться по Филльвильдии. Хоть и жил он в самом центре, да всё ж это была самая его окраина, так что путь до Королевского дворца предстоял совсем не близкий. Ни еды, ни питья у Дима не было, только крошечное колечко с обломанным камешком при нём осталось, но толку от него мало. Мать, как ни старалась, продать его не смогла. Не лежала душа у богатых покупателей к порченой вещице, а бедным она и даром не нужна была.

Походил Дим по базару, предлагая колечко то там, то сям. Никто не позарился на щербатый камешек в потускневшей от времени оправе. Так и ушёл бы Дим с базара без единой денежки, если бы не повстречался ему наш старый знакомый Колдун. Он как раз пришёл на Главный Филльвильдский базар за травами и кореньями, когда Дим в очередной раз свой нехитрый товар купцам предлагать стал. А купец вроде даже и цену назначил, и купить был готов. Только Колдун свой перстенёк издали сразу узнал. Как он ни пытался, за долгие годы не удалось ему

обрести желанного богатства, а потому решил он свой заколдованный предмет обратно взять, а заодно за мальчишкой приглядеть, не выведет ли тот его на дочку Фиолиты.

– Я покупаю! – перебил он новую цену купца, – за любые деньги!

Сторговались они с Димом, и только успел юнец зажать в руке монетки и поспешить к выходу с базара, как донёсся до него грозный рык Колдуна:

– Обманщик! Ты мне разломанный камень продал!

Растерялся Дим так, что чуть не заплакал. А Колдун поразмыслил немного, вспомнил, как Фиолита по камешку ногой топнула, и от досады чуть всё остальное кольцо не проглотил.

– Ладно, – сказал он, – всё равно себе оставлю. Куда ты путь держишь, юноша?

– В Королевский дворец, свататься к принцессе Идии. Мне обязательно нужно успеть туда до вечера, потому что Филльвильдия славится своими тёмными-претёмными ночами, и я боюсь заблудиться и попасть в логово диких зверей.

– Что ж, пожалуй, я могу тебе помочь, – сладким голосом заговорил Колдун, – я очень хорошо знаю дорогу в Королевский дворец, а чтобы нас вдвоём пропустили, ты у ворот меня представишь как своего отца.

Поразмыслил Дим, ничего дурного и нет в том, чтобы этого прохожего за отца выдать, к тому же с отцом свататься даже солиднее. И согласился.

Вёл его Колдун через город, через лес, то в горку, то под горку, то через луг, то через поляну, то по мостику через ручей, а то и вброд по студёной воде. И вот, когда солнце опустилось совсем низко, вывел его Колдун к широким воротам чудесного Дворца. Такого богатства Дим не видел ещё ни разу. Тут таких камешков, как у него в колечке, много-много, не сосчитать! И не расколотых, а целых! Они украшали всё: и ворота, и стены, и крыши. Искрились в лучах заходящего солнца, блестели так, что Дим зажмурился.

– Кто вы и зачем пожаловали? – сурово спросил привратник.

– Я бедный юноша Дим из центра Филльвильдии, правда, с самой его окраины! А это мой отец!

Колдун кивнул.

– Я пришёл свататься к принцессе Идии, – храбро завершил свою речь юноша.

Второй привратник отправился во дворец, чтобы доложить о странных гостях, а первый внимательно разглядывал путников, не желая их пустить даже на порог.

Второй привратник вернулся и сурово, совсем как первый, сообщил:

– Его Величество, Король Озилай Менито Власкас Второй, в приёме вам отказал. Её Величество, Королева Венесита Буруади Филльвильдская, в приёме вам отказала. Её Высочество Принцесса Идия разрешила войти в её покои, но в мужья она согласится Вас взять только при одном условии, о котором сама и расскажет.

Дим обрадовался, Колдун подмигнул ему. И они вошли в Королевский Дворец.

Прежде чем узнать условия принцессы Идии, мы немножко расскажем о ней самой.

Девушкой она росла своевольной и на грубое слово не скупилась. Понукала слугами, ни в грош не ставила ни отца, ни мать, а те будто и не замечали, таяли от каждого звука её грубостей, ведь они всегда мечтали о крошке-дочурке, а детишек у них не было до того утра, когда самый тёмный из всех мраков – Филльвильдский – рассеялся и немолодой Король Озилай Менито Власкас Второй увидел у ворот дворца шевелящийся кулёк.

Девочку, даже не сговариваясь, Король и Её Величество Королева Венесита Буруади Филльвильдская, стали звать Идией. А спроси их кто-нибудь, что это за имя такое и откуда они его выискали – объяснить ни он, ни она не сумели бы.

Так и росла Идия в полном достатке, в неслыханной роскоши, задирой и грубиянкой. Никого не слушала, учиться не желала, от манер хороших отворачивалась, как от жаб и ужей.

– Любой жених от такой барышни откажется, – пугали няньки.

– А мне любой ни к чему! – бойко отвечала им Идия, – мне только один подойдёт, который моё условие выполнит!

Ещё была у Идии маленькая тайна. Когда ей было пять лет, она услышала, как Её Величество сказала Его Величеству, или попросту, как мама сказала папе:

– Что ты всё хранишь этот осколок совершенно непонятного камешка? Отдай слугам и прикажи выбросить!

Служанка положила осколок в карман своей рабочей формы, а хитрая Идия вытащила его и спрятала в коробочку.

С тех пор она мечтала, что обязательно найдёт, откуда этот странный осколок отломился.

Зашёл Дим в покои принцессы Идии, огляделся. Сколько же здесь было игрушек, сладостей, всевозможных одёжек – одна другой ярче и красочнее, фруктов диковинных, цветов в вазах столько, что хватило бы, чтобы засадить весь их маленький участок возле убогой родительской лачужки.

Дим вдруг заскучал по братьям и сёстрам, по отцу и матери, но тут же вспомнил, что у него серьёзное дело – он свататься пришёл!

Капризная девчонка сидела на красивом резном троне и на голову нацепила расписную корону.

«Тоже мне принцесса, – подумал Дим, – даже не старше меня. Я тоже принцем могу быть!».

И откуда только решимость взялась в его щуплом тельце?

Идия осмотрела кандидата в женихи придирчиво, прошла величественно мимо и с усмешкой спросила:

– Это ты ко мне свататься пришёл?

– Я, – не смутился Дим. Колдун кивнул, изображая почтительность, а сам по сторонам глядел – если уж колдовством богатство не удалось получить, так может хоть воровством попробовать?

– Что ж, – Идия снова села на трон и поправила оборки пышного платья, – выполнишь моё условие, пойду за тебя замуж.

– Говори, – нетерпеливо воскликнул юноша.

– Условие моё такое, – принцесса коснулась короны кончиками пальцев, чтобы этот мальчишка не забыл, с кем имеет дело! – Всё, чего рука коснётся или голосом споётся, пусть в один короткий миг в драгоценность обернётся. Ясно?

– Ясно! – с готовностью выкрикнул Дим. Хотя ни слова не понял из повеления принцессы. Сама Идия тоже не могла бы рассказать, откуда у неё в голове всё детство вертелся этот стишок. Может, мама читала? Или кто-то из слуг пел его во время уборки?

Зато Колдуну всё стало ясно в тот же миг! Глаза его засверкали, а все мысли заполнило одно желание – получить здесь и сейчас заветный осколок, вставить его в оправу, тогда уж наверняка заклинание будет действовать, как написано в книге, а потом схватить девчонку, украсть прямо из дворца! Спрятать её, чтобы никто и никогда не нашёл, он сумеет.

– Я буду ждать ровно до полуночи! – властно объявила принцесса.

Времени оставалось совсем немного. А как исполнить нелепую просьбу?

– Постой, – лукаво улыбнулась Идия, – я тебе перед твоим уходом один секрет покажу!

И она поманила Дима пальцем, чтобы он подошёл и заглянул в маленькую коробочку.

Хоть и склонились две юные головы низко-низко над коробочкой, всё равно Колдун увидел, как блеснул на дне заветный осколок камешка! Схватил тогда без промедления Колдун коробочку, махнул чёрным плащом над принцессой и обернулся вороном, а принцесса в его лапах стала маленькой, ростом со спичку. Едва и успела вскрикнуть, как чёрный ворон уже уносил её далеко-далеко, а на лапе его блестел перстенёк с целым камешком.

На крик Её Высочества прибежала стража. Схватила Дима и спрятала в подземелье. Ни король, ни королева, ни начальник охраны не поверили в его рассказ про обманщика-колдуна, тем более, что он сам его представил как своего отца.

Бросили его одного в темнице. Света в ней не было, только высоко над головой через прутья решётки пробивались лучи закатного солнца. Скоро наступит кромешная тьма, а за это время Колдун унесёт Идию так далеко, что и не догнать.

Откуда уж взялась в его темнице корзина с овечьей шерстью, никто не ответит. Может, от прежнего узника осталась. Руки Дима сами к корзине потянулись и ловко, быстро стали скручивать шерсть в прочную нить. В считанные минуты в его руках оказался целый клубок – откуда только умение в руках взялось? Обмотал он ниткой тяжёлый камешек, забросил в окошко так, чтобы нить вокруг прутьев обмоталась, поднялся по ней, с невиданной прежде силой разогнул прутья и был таков.

Идёт по темнеющим улицам, прошёл мимо домика, а у домика крыша прохудилась.

– Почини мне крышу, тогда скажу, куда ворон полетел, – потребовала хозяйка вместо ответа на его вопрос.

И опять руки Дима без спросу за дело взялись. Сделали всё чётко, ладно, словно всю жизнь он только и делал, что латал крыши.

Поспешил, куда хозяйка в благодарность указала. Через некоторое время он снова с пути сбился. Ищет, у кого бы спросить.

– Покорми моего поросёнка, скажу, куда ворон полетел, – пообещала ещё одна жительница Филльвильдии.

Справился с задачей Дим скоро и ловко. Времени совсем мало осталось до темноты. Потеряет во тьме чёрную птицу – не видать ему больше принцессы. У ворона глаза зоркие, ему ночь нипочём.

– Не видал ли ворона? – снова обратился он с вопросом к прохожему.

– А ты ружьишко у меня дома начисть да смажь! – назначил цену своему ответу прохожий.

Пришлось снова за труд приниматься.

Совсем стемнело, едва-едва видна дорога.

– Вон он, твой ворон, на соседском участке зерно клюёт.

Посмотрел Дим – правда, притомился в дороге, подкрепляется ворон, а Идию крепко в лапе держит и колечком посверкивает. Взял Дим ружьишко только что начищенное, зарядил, к плечу вскинул и пошёл смело на ворона.

Ворон каркнул, посмеялся над Димом. Где уж ему, юнцу, в птицу на лету да впотьмах попасть? Глаз не тот, хоть и руки золотыми стали! Хотел ворон взлететь, да тут вдруг на него сеть упала – это сосед пришёл птицу ловить, которая его посевы уничтожить решила. Забился ворон в сети, крыльями замахал, каркал во всю мощь, а Идия тем временем к Диму спешила. Он поднял её на ладонь.

– Что это у тебя? – спросила она, присаживаясь на его руке.

Дим посмотрел на свои руки, а на них живого места не было после починки крыши да другой работы – сплошь ссадины да мозоли.

Пошептала Идия над его ладонями, и всё зажило на глазах.

Посадил Дим Идию в карман, а сам с вороном пошёл разбираться.

Грозил ему, ружьём в воздухе потрясал, велел немедленно расколдовать принцессу и все злодеяния свои прекратить. Ворон всё каркал в насмешку, не боялся ни ружья, ни угроз, через несколько минут в городе такая тьма будет, что перед носом пролетит, никто и не заметит!

Выползла Идия из кармана, спустилась по руке Дима до самого воронова крыла и зашептала ему что-то. И вдруг даже в густых Филльвильдских сумерках стало видно, как чёрный ворон обернулся в белого голубя.

Спасли его из сетей, обернулся он снова человеком, расколдовал принцессу и покаялся перед Идией и Димом, рассказал, как стал причиной раздора между их матерями и зачем сегодня принцессу украл. Стал он отныне добрым волшебником. Кольцо подарил юноше и девушке, которые теперь ни на миг друг от друга не отлучались.

После того, как камень в кольце стал целым, руки Дима налились силой и лов-

костью, а речи Идии несут исцеление. Так и сбылось заговорённое на камне заклинание: руки и голос всё превращают в драгоценности. ДИМИДИЯ, как выяснилось, на одном из языков означает ПОЛОВИНА. Как искал и нашёл камешек свою половинку, так и Дим искал и нашёл свою Идию.

Вернулись молодые во дворец, созвали в гости всю Филльвильдию, а на самых почётных местах сидели Корофета и Галаферд, все названные братья и сёстры Дима, Розенфильда и Фиолита. Больше никто и никогда из родных Дима не нуждался, а его самого никто не называл неумёхой, а от Идии никто больше не слышал никогда грубого слова.

Посвящается Лизе Шиловой

Сказка про жырафля

Любое волшебство всегда происходит тихо и почти незаметно. Если бы волшебство происходило громко, это было бы уже не волшебство вовсе, а слон какой-то! Или гиппопотам! Но наша сказка не про слона и не про гиппопотама. Она про маленького волшебного зверька. Про жырафля.

Началась эта история в самый обычный день в самой обычной школе из красного кирпича. И учился там один маленький мальчик – второклассник или второклассник с четвертинкой… А может быть, даже второклассник с половинкой – Петя Зябликов. Он никогда не относился к учёбе с должным усердием и, увы, был двоечником.

В тот самый обыкновенный день Петя Зябликов писал диктант. Учительница не выспалась, читала текст вяло, без интонаций, временами зевая так сладко и откровенно, что слова коверкались и кувыркались в её исполнении, как безобразницы-мартышки. Мальчик Петя и без того двоечник, о чём мы уже упомянули, а ещё рассеянный и невнимательный. Поэтому исковерканные и искувыркавшиеся в исполнении учительницы слова-мартышки скакали по его тетради ещё более вёртко и бессовестно, цепляясь хвостами за расчерченные линеечки, выбегая за поля и оставляя чёрные лапки-кляксы, где только могли. В Петиной тетради появился не «Диктант», а «Дюкрант».

Стоит ли говорить, что предложение «По небу летел журавль» уже знакомые нам непоседы-обезьянки искувыркали до неузнаваемости? Учительница зевнула сразу после «неба», Петя отвлёкся сразу после «летел», а потом уже и не понял, как же по небу мог лететь жыраф? Он подумал немножко (думать он умел, хоть и был двоечником) и вспомнил, что есть такая птица – жыравль. Или журафль? Учительница, между тем, узевала аж на два предложения вперёд, и Петя, догоняя её, оставил в своём диктанте неведомого зверя жырафля.

Наутро вся школа потешалась над незадачливым мальчиком.

– Ну и дела! – заливался отличник Вовка, – жырафля выдумал! Грамотей!

– Это ж какое позорище! – вторила ему остроносая хорошистка Надя, – даже про «жи» и «ши» ничего не слыхал! Стыдно!

Учительница тоже не отставала. Сегодня она выспалась и уже не помнила, как вчера зевала, коверкала и кувыркала!

– Эх, Петя, Петя, горе ты моё, когда же ты научишься писать грамотно? Никаких жырафлей в природе не существует, а тем более через «Ы»!

И от этих слов Пете обиднее всего стало. Не за себя – ну и что такого, выучит он эту грамоту, не беда! Обидно ему стало за маленького зверька. Как это славного милого жырафля, к которому Петя за последние полчаса так привязался, не существует?

– А я всем докажу, что существует! Существует!

Говорил, а сам чуть не плакал. Ну где он найдёт настоящего жырафля?

В том, что такой зверёк существует, Петя ни секунды не сомневался, а вот где его искать – не знал. Ребята тыкали в неуча пальцем, хватались за животы

от хохота, строили рожи и наперебой пытались изобразить диковинную зверушку.

– Он прямо сейчас сидит у меня в кармане! – запальчиво выкрикнул Петя.

– Врёшь ты всё! – свирепо пошёл на него с кулаками главный драчун в классе Артём Политаев, – а ну докажи!

– Показывай, показывай, – загудела школа.

Петя растерялся. Знал ведь, что в кармане у него немножко крошек от печенья, конфетный фантик и несколько тыквенных семечек. Он запустил в карман руку, ожидая, что теперь насмешек точно не избежать, как вдруг что-то мягкое и тёплое коснулось его пальцев, а потом щекотно затрепыхалось во влажной детской ладошке.

«Жырафль!» – подумал Петя. И точно! Он разжал кулак на глазах у изумлённых зрителей, и все увидели нелепое существо. Шея у него была длинная и пятнистая, ноги тонкие, как у жирафа, а крылья и клюв – ну в точности как у журавля. Зверёк был маленький-маленький! Ещё бы – ведь он до этого умещался в одну тетрадную линеечку.

– А чем докажешь, что он через «Ы» пишется? – раздался выкрик, когда собравшиеся пришли в себя от увиденного.

– А это мой зверь! Как хочу, так и пишу! – не растерялся Петя.

С тех пор учительница на всякий случай перестала зевать, коверкать и кувыркать слова, а то мало ли что в следующий раз вытащит из кармана двоечник Петя!

А Петя ни на минуту с тех пор не расставался со своим жырафлем и вынес для себя самый главный урок: даже совершив множество ошибок, можно найти настоящего друга!

С тех пор оценки у Пети Зяблико-ва стали гораздо лучше. Поначалу маленький зверёк просто летал по классу и подсматривал у отличников, как пишется то или иное слово, как решается задача или пример. Подсмотрит – и летит назад к Петиной парте, клювиком по чистому тетрадному листу чертит, а Петя следит за клювом, чернилами выводит предложение грамотно и верно.

На уроках жырафль внимательно слушал, что рассказывали учителя, а дома помогал Пете делать уроки. Чуть заметит ошибку – и тут же клювом по столу стучит.

Убежал как-то наш мальчишка гулять с друзьями, не доделав домашнего задания, вернулся вечером, а жырафль на него не смотрит, еду с руки не берёт, погладить себя не позволяет. Обиделся!

Петя добросовестно корпел над уроками без помощи маленького друга, а жырафль так и сидел на шкафу, пока второклассник всё до самой малюсенькой последней-препоследней точечки не записал в тетрадях. Потом только спустился, внимательно проверил и потёрся пятнистой шейкой о Петину руку. Похвалил!

Получил на следующий день Петя сразу четыре пятёрки. И так ему понравилось быть отличником, что он больше никогда не забрасывал учебники в дальний угол и не уходил на прогулку, не выучив уроков.

Была у Пети одна маленькая тайна – такая же маленькая, как он сам. Может быть, чуть меньше, а может быть, чуть больше, но для него она была самой большой тайной на свете! Ему очень хотелось дружить с девочкой Катей! Только разве ж посмотрела бы она на мальчишку с двойками в дневнике? А теперь там сплошные пятёрки! Пишет Петя упражнение, а думает, как бы Кате портфель помочь до дома донести. Решает задачу, а вместо чисел, плюсов и минусов перед глазами только Катины задорные косички. Взял он пустой лист бумаги и написал: «Катя, давай дружить!». Но тут же смутился, порвал и выбросил листок. А потом снова написал. Но и вторую записку постигла та же участь. Заметил это жырафль. Делает вид, что наводит лоск на свою пятнистую шкурку, а сам посматривает – не появится ли третьей записочки.

А Петя как раз снова написал заветные слова! Подскочил тут жырафль со всей прытью, схватил бумажку клювом и был таков!

– Вернись немедленно! – кричал ему вдогонку Петя через открытое окно,

но крылатого зверька и след простыл. Он уже летел над парком. Заметил с высоты красивейшую клумбу, приземлился, чтобы сорвать для Кати цветок, как вдруг раздался голос:

– Ага, попался!

Это был главный драчун в классе – Артём Политаев! Схватил он жырафля, спрятал в карман. Записка выпала из маленького клювика на землю.

Час шёл за часом, а жырафль всё не возвращался. Петя очень волновался за друга. И вот, когда уже совсем стемнело, не выдержал и позвонил Кате:

– Привет. У тебя нет моего жырафля? – спросил он.

– Нет. Неужели он пропал? – очень серьёзно поинтересовалась девочка.

– Да, улетел куда-то, и до сих пор его нет.

Петя, конечно, знал, куда на самом деле улетел жырафль, но постеснялся сказать это Кате.

– Что ж ты так долго ждал? Надо немедленно идти его искать! – ответила Катя строго.

Они отправились на поиски. Звали они жырафля и на детской площадке, и в парке, и у той самой клумбы с цветами. Нашёл там Петя свою записку и понял: с жырафлем приключилась беда!

Расстроился мальчик так, что весь следующий день ходил сам не свой, даже двойку получил – чего с ним уже давно не бывало! Катя не знала, как его утешить. Вечером она пришла к Пете в гости и серьёзно (она вообще была девочкой очень серьёзной) сказала:

– Ты сейчас всё равно хорошее сочинение сам не напишешь! Я тебе помогу.

Тем временем жырафль был у драчуна Политаева дома. Тот посадил зверька в клетку, насыпал корма для попугаев, налил воды. Только не смотрит жырафль на угощение, тоскует по Пете! А Политаев то и дело пристаёт:

– Давай играть, жырафль? Ты какие игры знаешь?

Или:

– Жырафль, ты умеешь петь? Давай с тобой споём?

Но жырафль уныло сидел в клетке, крылышки сложил, шейку понуро свесил.

– Ты не заболел, жырафль? – заботливо спросил Артём, – почему ты ничего не ешь?

Взял он в руку немного семян и протянул жырафлю через дверцу в клетке. Петя тоже всегда так делал, только в клетку жырафля никогда не запирал.

«Нет, не нужна мне еда, не в радость она мне», – подумал зверёк и совсем по-человечьи вздохнул.

Услышал Артём этот вздох и всё понял. Он хоть и драчун, да мальчишка всё-таки добрый. И дрался всегда только за справедливость! Взял он жырафля и пошёл к Пете – прощения просить.

Обрадовался мальчик, увидев своего необыкновенного питомца целым и невредимым, тут же дал ему кусочек сочного яблока, а на Политаева сердиться не стал.

Катя же строго посмотрела на провинившегося и сказала:

– Эх ты, кто же так дружить предлагает? Разве друзей в клетках держат?

Расстроился Артём пуще прежнего, а Петя и говорит:

– Ты приходи к жырафлю в гости, когда захочешь! Он здесь с тобой непременно будет дружить! Правда, жырафль?

Жырафль посмотрел на Артёма крошечными глазками и протянул тонкую длинную лапку. Артём осторожно её пожал.

– А мы тебя заодно по всем предметам подтянем! – бойко заключила Катя.

И стали они дружить вчетвером – жырафль, Петя, Катя и Артём. Он, конечно, драться не перестал, но теперь делал это гораздо реже и даже в секцию борьбы записался. Потом к дружной компании присоединилась девочка Таня из параллельного класса. Но это уже большая тайна Артёма Политаева и совсем другая история!

Александр Мличковский

Украина

Александр Валериевич Мличковский. Родился 29 июня 1991 года в городе Красный Луч Луганской области (Украина). Учился в СШ № 21, затем в гимназии № 2. Окончил Восточноукраинский Национальный университет по специальности «Правоведение». Юрист. Автор стихотворений, прозы. В настоящее время живёт и работает в Казани.

Айсберг

– Ты лучший, браво, бис! – раздавались возгласы искушённой публики! Ещё, ещё, браво, бис! – отрывками можно было услышать под шум аплодисментов!

Загорелись цветные лампы над зрителями, и на тёмной сцене под бурные овации вновь появился он – Артист. Был этот парень среднего роста, и больше всего были приметны его голубые глаза и сверкающий бликами пиджак! До боли знакомое лицо, которое с экранов телевизоров и обложек журналов видели все и не раз, предстало в новом свете. Глаза Артиста сверкали огоньками, как его пиджак, и казалось, что он получает не меньше удовольствия от выступления, чем публика... И после мгновения тишины, нарушив покой фортепиано, словно из ниоткуда, появилась сначала музыка, а потом и великолепный голос, разлилась песня, проникая в душу каждому слышащему и слушающему. На последней ноте все словно затаили дыхание и через секунды выдохнули под яркий финал. Зал взорвался аплодисментами и долго не хотел отпускать артиста, но всё же пришлось. Публика начала расходиться, а огоньки на сцене угасли. Зал остался пуст.

– Я прошу тебя, оставь меня, хотя нет, принеси ещё – ты же видишь, как мне плохо, – взывал парень, бегая по комнате из угла в угол и периодически вскидывая руки!

– Успокойся и не кричи! Я тебя еле до номера дотащил. Отсыпайся, ты нужен мне ещё. Давай не хандри, – просипел мужик в отвратительной малиновой рубашке.

– Хорошо тебе говорить! Не могу я петь больше и не буду петь, – отозвался парень. Он остановился, посмотрел на мужика, и чернь наполнила его глаза.

– Давай, давай, спать будешь, и всё хорошо будет, первый раз, что ли?

– Да, да, да! Да, да, да, – повторял парень и ходил по комнате из стороны в сторону! Хорошо, хорошо! Бессмыслица заполнила его мысли. Ну да, именно, – повторял он!

– Ну вот, видишь? По-моему, лучше тебе, – отозвался малиновый.

– Определённо! – воскликнул парень, отвернувшись на миг в сторону, и улыбка искривила его рот. Да, я пожалуй, отдохну, а ты иди к себе в номер, иди!

– Вот это правильно: завтра новый город, новый концерт, новые деньги – это правильно, – сиплым голосом ответил мужик и, торопясь, удалился.

Парень поднял к верху обе руки:

– Не могу больше, не могу. Через мгновение он захватил пиджак, открыл дверь своего номера и вышел в коридор. Не было слышно ни звука. Он быстро зашагал к выходу, мимолётом всматриваясь в дверь малинового. Чуть замедлившись возле неё, он, спустившись по винтовой лестнице, направился к выходу...

Морозный воздух наполнил его лёгкие, и он нарочно вдохнул глубоко. И направился только ему известно куда по широким улицам, освещённым фонарями, и по переулкам, что грозят тёмной и страшной неизвестностью. Он зашёл в один из дворов. Было так темно, что продвигался он буквально на ощупь. Проведя руками по стене, он наклонился и влез в подвал.

– Ау, кто тут есть? Загорелась керосиновая лампа, и пришелец отвернулся от света.

– Кто тут? – брякнул голос.

– Свои, – отозвался парень.

– Ого-го! Айсберг, ты, что ли? Вот это да! – пьяным голосом отозвался бомж. На рваной его одежде видны были масляные пятна.

– Я! Убери от меня свою лампу!

– Вот это да, ишь ты какой! Курточка модная, – будто бы гавкнул голос. Известно уж, известно! Чего надо-то? Сколько же я не видел тебя, года полтора уже? Нечасто друга навещаешь! А сколько лет уже ты не наш... горожанин, хи-хи, а москвич? – продолжил бомж.

– Надо мне, понимаешь, снова... – запнулся парень.

Бомж засмеялся.

– А что, твои проверенные каналы уже тебе не поставляют?

– Может, и поставляют, а может, и нет. Так достанешь или нет?

– Не забыл ты, где найти меня, и дорогу сюда не забыл, вот это память у тебя! – продолжал хихикать оборванный. Ладно, сейчас, – нагнувшись, он достал из-под трубы пакет и аккуратно развернул его. Осталось ещё, прямо как для тебя берёг... Недавно молодёжь забегала, всё вытрясли. Ну, держи, а я водочки лучше, – и мигом налил и выпил целый стакан.

Парень закатал рукава, и игла впилась ему в руку. Быстрым движением он перехватил другой рукой шприц, испачкав при этом рубаху кровью. Закончив, он сел на пол. Повеяло холодом, и жгучий мороз обжёг его спину, дальше резкое тепло сменило его. Парень встал и, опираясь на стену, засеменил мелкими шажками.

– И давай, это, не шали, – промычал бомж, опрокидывая уже второй стакан. А после и вовсе свалился на скамейку.

Диким танцем закружилось всё перед глазами парня, его охватил непонятный ужас, и с дьявольски улыбающейся гримасой он опустился на пол.

Очнулся от резкого света.

– Опять ты со своей лампой, – зло сказал парень и, открыв глаза, увидел перед собой бомжа.

– Это я, да, это я, – неторопливо выдавливал из себя бомж. Хочешь, налью?

– Да ну тебя, – отозвался парень и поднялся на ноги. Утро уже?

Бомж утвердительно качнул головой. Парень достал из кармана несколько 100-долларовых купюр и протянул их своему знакомому. Тот аж присвистнул...

– Да, а когда-то мы с тобой и на рыбалку, и в школе вместе, а теперь для каждого по-своему всё обернулось, – бомж многозначительно поднял палец вверх. Во как! – и тут же, сверкая игривым взглядом, жадно выхватил купюры.

– Ты давай это, не скучай, – уходя, бормотал парень.

– Ага, ага, – отозвался мимолётно бомж, разглядывая пристально купюры на свет.

– Ну пока, даст Бог, свидимся! Парень вылез из конуры. Действительно, уже утро. Завидев такси, он было направился к машине, а потом, очевидно, оценив свой вид: замаранную в грязи куртку, порванные брюки, решил пойти назад. Так же, как и этой ночью, он шёл пешком. В поисках обходных путей в старых закоулках, он всё-таки добрёл до места назначения, быстро забежал в отель и поднялся на этаж. Затем открыл свой номер и оглянулся – в нём всё было нетронутым с той ночи.

– Как хорошо, что меня никто не искал, как хорошо! Он метнулся в душ, сменил ненавистную одежду и снова лёг спать.

Проснулся от того, что его тормошил мужик. И хоть он и сменил свою малиновую рубашку на фиолетовую, суть от этого не менялась.

– Ехать пора, – сказал он, – вечером концерт. На часах было 11:00…

– Давай, твой выход через 5 минут, – сказал теперь уже фиолетовый мужик, заглядывая в гримёрку. Красив, однако, красив, – парень вышел из комнаты и уверенно зашагал к сцене.

– Ну, давай, – сказал мужик, заглядывая в зал. Аншлаг, и, как всегда, они ждут Тебя.

– Да! – воскликнул парень, ступая.

На сцену вышел Артист! Аплодисменты накрыли зал, и пронзительная музыка заиграла громко. На сцене был прекрасный с виду парень с голубыми глазами. Он, в яркой одежде, начал двигаться в современном танце, и группа подтанцовки повторяла на заднем плане то же. Он запел, и ему подпевали все люди в зале! Словно заворожённые, глядели они на него и слушали его песни.

– Ты лучший, браво, бис! – кричала публика! Ещё, браво, бис! – звучало под шум аплодисментов!

Елена Кисель
Беларусь

Скальпель для слова

Душа натуральным образом пела. Но – не от легкомыслия, этого за Ипполитом не водилось уже лет двадцать. Нет, у души имелись веские причины на то, чтобы устраивать внутри грудной клетки что-то вроде сводного хора.

Гонорар от издательства получен – раз.

Книга идёт отменно, и обещаются немаленькие дополнительные тиражи – два.

Пресса захлёбывается слюной, журналисты скоро начнут под окнами толпиться – три.

Критики благополучно исходят ядом, обвиняя последний роман в чрезмерном насилии, приписывая ему мотивы сатанизма, бросаясь во все стороны словами «порнография», «безжалостное выворачивание наизнанку» и «мерзости» – и тем самым создавая книге дополнительный круг чтения. Это четыре.

Пятая причина была не столь веской. Просто на улице был хороший майский денёк, и деревья в аллее приветливо махали ветвями.

И шесть – внутри зрел новый шедевр.

Идея ворочалась медленно, вспыхивали в сознании новые эпизоды, облекались в слова прямо перед глазами, и пальцы бодро отстукивали по клавиатуре то одно предложение, то другое. От радости Ипполит пару раз даже облизнулся.

С места, на котором он сидел, можно было увидеть остановку – самое то для наблюдений. Этим он занимался, когда пальцы начинали уставать или образы не шли. Мамаша дёргает за руку хнычущего карапуза… Пожилая мадам с двумя здоровенными сумками настроена идти на штурм общественного транспорта… Пигалица лет четырнадцати, неумело крашенная, отчаянно дымит сигаретой, к ней подходит мужчина лет сорока – и решительно сигарету выдёргивает. Интересно. Ипполит облизнулся ещё раз. Перед глазами вспыхнул очередной заманчивый образ.

А потом потухло всё. Клавиатуры не было. И остановки. И приветливых деревьев с не успевшей полинять листвой.

Темнота и пустота, и глаз не открыть почему-то. И…

– Четвёртый за день. А я-то пообедать собрался.

Мужской голос недовольный, отчего-то кажется, что вечно недовольный. Сухой.

Брякает железо, будто перебирают инструменты недалеко. Холодно.

Женский голос – молодой, мягкий, с жалостью и ужасом:

– А ты ещё сможешь после такого есть?

– Что ж мне, с голоду помирать из-за этого? Левее смотри. Идём в сторону лек-

сического аппарата. Что, дрожат ручонки? Дай я сам.

Железо клацает то ли насмешливо, то ли недовольно.

– Нет, я… Я сама, я сейчас…

– Да не ковыряй ты там! Сама… Лексический запас ему хочешь сократить? Не задень какой-нибудь глагольный центр, до конца жизни будет именами изъясняться.

– Перестань насмешничать. Вскрыто.

Снова звук металла. Кто-то свистит.

– Ухх, сигнификативная фонема-а-а, – с завистью, – а красивый у него словарный запасик, не находишь? Себе, что ли…

Девушка то ли устала, то ли обиделась, потому что говорит сухо. И кажется, сдерживает тошноту.

– Объёмы жаргонизмов и арготизмов гипертрофированы, как мы и предполагали. Ухожу на оперативный уровень. Зажми.

Опять звук железа. Кажется, кто-то споласкивает руки. Ипполит попробовал открыть глаза или хоть губами пошевелить – «Кто вы такие? Где я?» – не получалось ничего.

В груди почему-то стало холодно.

Тихое оханье над головой – женское и болезненное. Мужской голос:

– Новое что-то увидела, что замерла? Дай инструмент! Стандартная привязка на нецензурную лексику, вульгаризмы, кальки, неологизмы на уровне жаргона – изобретательный тип! – эротическая неолексика… мда… по семантическим параметрам явно выходят вперёд группы, относящиеся к взаимоотношениям полов. Оккультная лексикология присутствует в изобилии… Ещё раз позеленеешь лицом – и я костьми лягу, но ты до конца жизни будешь чужие словарные запасы пополнять!

– Очаги высокой лексики выгорели почти полностью, – печально говорит девушка. – Посмотри на области метафор. Злокачественное перерождение…

– Ты его книжки хоть вполглаза видела? Как думаешь, почему после них люди вешаются? Ладно, хватит тут ковырять-ся, зажимай, вскрываю уровень персонажей.

– У них атрофия положительности.

– Это у него атрофия. Всего на свете. Не сопи мне под локоть во время операции!

Операции? Вот когда стало страшно не на шутку, и он напряг все силы, но дрогнули только веки.

– Он в сознании. Недостаточная анестезия?

– Какая анестезия? Всё равно не чувствует. Это если там всё живое – горит, говорят, как будто сердце полосуют… Ага. Ну, в общем, как и предполагалось – череда омерзительных типов. Ради интереса могу детские образы глянуть – хочешь?

– Н-нет…

– Угу, мне ещё обедать, к тому же. Ладно, тут болото. Убираем полностью.

– Что? Ты ведь не видел остальных уровней!

– Что там видеть-то, насмотрелся. И есть охота. Отойди… инструмент вернула, кому сказал!

– Я… я не отдам. А если в нём есть хоть что-то…

Молчание, но полное значения, и в этом молчании явственно видится приглашающий издевательский жест. Голос девушки – измотанный, но решительный:

– Фиксируй. Иду на сюжетный уровень.

И сухой раздражённый хмык в ответ.

Звучат инструменты – тихим перезвоном металла. Слышен девичий шёпот – что-то вроде «Ну, разве можно так, ведь это же не для того даётся…».

– Долго ты будешь ковыряться в попытках найти этот самый уровень?

– Атрофия…

– Постмодерн, а не атрофия. Учись ставить вменяемые диагнозы. Вон он, в углу валяется, сюжетный центр, как ненужное. Зажат между связями оформления и идейно-интеллектуальной частью.

– Ценностное смещение?

– И это. Хоть в идеологию-то не полезешь? Ну… – долгий, полный досады звук. – Спасибо тебе. Вот теперь я уже точно обедать не буду.

Девушка, видно, задыхается, но не сдаётся.

– Это ещё не показание к удалению. Может быть, нравственно-этический пласт…

– А ты его найдёшь? Вон рядом центр воображения – глянь на его будущие идеи и дай мне делать мою работу. Посмотрела? Прониклась? Напишет это – волна педофилии как минимум обеспечена, а если учесть красочность сцен…

Да, сцены у него получались яркие, сочные… Почему сейчас они не помнятся, а чернота – и всё?

– Может быть… если здесь подчистить, а там подсадить несколько идей… сформировать спонтанную вспышку озарения с беспрерывной подачей творчества на процесс…

– И это изгадит. Не видишь, что там внутри делается? Одно лекарство – долой.

– Но можно ещё…

И включается третий голос. Энергичный, звучный – начальствующий.

– Что вы копаетесь? – и отрывисто, ясно, что едва взглянув: – Режьте.

– Но… разве невозможно при воздействии на глубинный уровень…

– Воздействие там не по нашей части. Режьте, у нас тут ещё клиент наклёвывается. Словоблудие. Похоже, просто с ценностным центром поработать – и всё. Да ещё тот политик…

– Плакал у меня и ужин… – это цедят сквозь зубы, через ожесточённое звяканье инструментов. – Тут что? Извлекаем, на очистку и подсаживать к кому-то другому?

– Какая подсадка… в отбросы.

– Нет, постой! – вдруг вскрикивает девушка. – Ты же начисто режешь, так нельзя!

– С такими – так – и – надо…

– Скажите ему… ну, что же это такое, ведь у этого Ипполита вся жизнь на этом завязана, он же с собой покончит!

– Как те две девушки, которые подначитались его книг? Или как тот…

– Работаешь или разговариваешь? – отрывистый и энергичный глас начальства. – Здесь ты прав. Если удалять не подчистую – он всё равно будет писать. Из остатков выжимать начнёт. Всё равно мерзость получится.

– А так он…

– Готовенькое дело, – констатирует недовольный. – Можно шить. Теперь разве что в «Соло на клавиатуре» щёлкать будет.

Девушка вздыхает, но больше не говорит ничего. Гремит железо – равнодушно, как после тяжёлого рабочего дня.

– Чисто, – говорит начальствующий. Голос у него всё же не только энергичный – ещё и в чём-то печальный. – Даже жутковато-чисто, как всегда у тебя… Сворачиваемся. Вторая группа сигналит – у них завал по количеству. Идём помогать.

Последнее, что он услышал, было раздражённое поминание какой-то мечты об ужине.

А потом пришли гудки машин, и прохлада майского ветерка, и тяжесть ноутбука на коленях. Ипполит дёрнул головой. Задремал, что ли?

С экрана монитора равнодушно взирало непечатное (но напечатанное, как раз ведь эпизод писал!) слово. На остановке собирались в стаю пенсионерки – молчаливая договорённость по осаде троллейбуса. Школьники, какие-то студенты…

И троица с усталыми, скучающими лицами. Девушка – хрупкая, чуть ли не прозрачная, неимоверно грустная, похожая на скорбящую икону, только иконы не носят чёрные беретки. Мужчина – высокий, рыжеватый, нервный, уголки губ недовольно опущены вниз. И профессор – просто мужчиной назвать язык не повернётся – осанистый, не старый ещё, с резкими, энергическими и умными чертами лица, с такими усищами, что обзавидуется любой джинн…

Кажется, перед тем, как моргнуть, Ипполит поймал взгляд девушки – и во взгляде была жалость. А когда открыл глаза – никого из троих не было.

Вот же бред.

Он тряхнул головой и вернулся к монитору. Запал куда-то делся, вдохновение потухло, и он, хоть убей, не мог

представить себе, чем там должен продолжиться эпизод после неприличного слова. Тупо сидел и смотрел на это самое слово. А оно – на него, довольно издевательски.

Это ничего не значит, сказал себе Ипполит. Сны, переутомление… отдохну – так всё напишется. Он захлопнул ноутбук, не удосужившись его выключить, сунул в сумку и зашагал на ту самую остановку.

Деревья мотали приветливыми листьями. Май звенел, сиял и даже пытался улыбаться.

А внутри – непонятно, что там было раньше, но сейчас – было чисто. Жутковато и навечно чисто.

Рисунок Анны Секериной

Елена Земцова-Кузина

Бельгия

Художник по эмоциям

Рекомендации дамам отнюдь не хрупкого телосложения даёт специалист по созданию моделей одежды Лариса Ларина-Кузина – уроженка Омска, несколько лет проживающая в Бельгии…

Как известно, некрасивых женщин не бывает. Случается так, что стройная дама в чьих-то глазах может мигом потерять свою привлекательность, а неуклюжая толстушка наоборот – довольно быстро приобрести её.

Каждая женщина держится значительно увереннее, если точно знает, что хорошо выглядит. Но в бытовой круговерти сложно и порой даже невозможно верно подобрать гардероб, особенно если у вас не совсем «правильное» телосложение. И уж тем более непросто из обширнейшего ассортимента одежды выбрать именно то, что лучше всего замаскирует эти изъяны. Для того, чтобы помочь милым дамам справиться с этой нелёгкой задачей, свои рекомендации даёт профессиональный модельер Лариса Ларина-Кузина.

Этому искусству она посвятила всю свою жизнь, начиная с раннего детства.

Ещё маленькой девочкой тщательнейшим образом подбирала ткани и расцветки новых убранств для своей единственной куклы. И та, несмотря на топорность советского стандарта игрушек, отличалась от своих «сестёр» роскошным и стильным туалетом.

Лариса шила не только для куклы, но и для себя. И даже обшивала свою младшую сестрёнку. К её советам охотно прислушивалась мама, обращаясь к дочери с просьбой подобрать ткани для новых платьев и подходящие к ним аксессуары. Девочка самостоятельно училась искать ту самую изюминку, которая выделяла бы достоинства фигуры и скрывала недостатки. Тринадцатилетний стилист, модельер и швея интуитивно могла подчеркнуть индивидуальность человека…

К окончанию средней школы она уже однозначно определилась с выбором профессии и образование продолжила в швейном технологическом училище. Для начала – по специальности «Портной верхней женской одежды». С огромным удовольствием отдавалась учёбе. Здесь же стала проявлять свой талант на практике. В восемнадцать лет Лариса впервые вышла манекенщицей на подиум (и, кстати, вернулась на него потом в… 46 лет).

После второго года обучения педсовет училища рекомендовал Ларису на конкурс «Лучшая по профессии», где она заняла первое место. Абсолютный талант был сразу замечен знатоками, и после окончания училища Ларису пригласили работать в омский Дом мод. Это стало своего рода взлётной полосой в её карьере. Несмотря на посменную работу, а потом и рождение детей, она продолжала учёбу: освоила профессии закройщика, технолога швейного производства и стилиста. Ей было интересно развивать свой творческий потенциал. Появилось большое количество клиентов – как правило, лиц из «элиты»…

Потом все 30 лет своего проживания в Бельгии Лариса Ларина-Кузина тоже продолжала учиться профессии. За её спиной несколько учебных заведений этой страны, одним из которых является колледж Sintra West в городе Руселаре. Каждый выпускник этого заведения в качестве экзаменационной работы представляет свои коллекции для мода-шоу. Одно из таких шоу открывалось как раз моделями Ларисы Лариной-Кузиной, и им был посвящён целый репортаж по местному телевидению…

Сегодня она успешно работает с такими известными компаниями, как San-Martino, Bronson, Dgiovani, Donaldson, Ofschore, Pas de Deux. В условиях жёсткой конкуренции со стороны швейной промышленности Лариса прекрасно справляется с задачами эксперта, вырабатывает свои собственные стратегические планы для предприятий. Она с удовольствием смотрит на свои изделия, красующиеся в витринах престижных бутиков, на страницах журналов мод, в проспектах, – результат работы с ведущими западноевропейскими стилистами. И вынашивает новые идеи по созданию особых коллекций со сложной конструкцией – женственных и романтических. Но планы не ограничиваются только этим, на смену им неизбежно придут другие, не менее интересные идеи.

Начиная работу с новом клиентом, Лариса прежде всего задаёт ему (точнее – ей) вопросы, затрагивающие многие стороны жизни человека, включая хобби и собственную машину. В зависимости от ответов формируется новый образ, именно такой, который будет намного легче и непринуждённее.

Главная цель Ларисы Лариной-Кузиной – вывести на европейский подиум модели для разных фигур, в том числе объёмных. Её фантазии идут от желания обогатить мир женщин положительными эмоциями. И, судя по результатам её работы, многообещающим планам (да и неумолкаемому телефону), ей это удаётся.

Сегодня Лариса Ларина-Кузина отвечает на наиболее распространённые вопросы по «совершенствованию красоты».

– Какие вы можете дать общие рекомендации в выборе дамской одежды?

– Выбор одежды начинается с выбора стиля: романтического, классического, спортивного, модерн, экстравагантного. Наш единственный и неповторимый образ складывается из физических данных, возраста и рода деятельности. Главное – всё должно быть в меру и к месту. Изделие

нужно уметь носить свободно и раскованно. Также стоит помнить о пропорциях как о формуле идеальности туалета. К примеру, чем длиннее юбка, тем короче должен быть жакет, и наоборот: чем короче юбка – тем длиннее верх.

В наборе вещей обязательно должен присутствовать композиционный центр. Им может быть ремень, шарф, браслет, пояс, то есть любое яркое «пятно» в довершение ансамбля. В выборе цвета одежды нужно быть особо внимательными, учитывать оттенок своей кожи, цвет лица, глаз и волос. Аксессуары должны отличаться от ткани более яркими цветами. Цветовые решения могут быть разных сочетаний. Например, к тёмно-зелёному цвету подходит весь спектр светлой зелени, вплоть до хаки. К чёрному прекрасно подойдут серый и серебристый, белый, красный и жёлтый цвета. К тёмно-синему цвету в качестве дополнений просто незаменимыми являются голубой, белый, жёлтый и бежевый.

Любой представительнице прекрасного пола стоит обратить внимание на некоторые хитрости: высокий разрез на длинной юбке и открытая спина более привлекают внимание мужской половины, нежели чрезмерно открытые части тела.

– Что можете посоветовать полным женщинам?

– В одежде для полных женских фигур должна быть прямая форма плеча, лучше с использованием подплечников, и, конечно, же, прямой силуэт. Фигуру хорошо утончают вертикальные линии, например, рельеф со строчкой, складка, высокая шлица, лёгкая рюшь в разрезе от бедра до низа юбки. Эти дополнения и отделки отвлекут внимание от комплекции.

Очень важно не акцентировать талию – вместо этого стоит обнажать или обтягивать самые тонкие части тела, такие как запястья и лодыжки. Юбка, зауженная к коленям и с лёгким годе внизу, зрительно сужает бёдра.

Целесообразнее покупать или шить вещь на один размер больше, чтобы она не облегала фигуру. Лёгкая многослойность изделия, например, тонкая длинная туника поверх брюк, сделает фигуру стройнее и легче. Широкая блуза с асимметричным низом прекрасно сочетается с прямой юбкой и придаёт форме зрительную утончённость.

Лучше, если ткани будут мягкими и легко драпирующимися. Тонкие ткани облегчают и делают фигуру более изящной. Могу рекомендовать тонкий трикотаж, шёлк, шифон, жатые и натуральные ткани. Не следует пренебрегать мелким рисунком. Ну и, конечно, удлинняет фигуру высокая причёска и обувь на каблуке или танкетке.

– Как создать модный гардероб минимальными средствами?

– Нужно отобрать полюбившиеся, но уже не новые вещи и подкорректировать их. Жакет можно приталить и укоротить, пришить к нему хлястик, использовать ремень, красивые пуговицы, украшение на лацкане. Брюки можно просто закатывать, заправлять в сапоги. Или же укоротить до нужной длины. А из остатков ткани было бы неплохо сшить накладные карманы или юбку-фартук.

Ну а юбки вообще можно видоизменять сколько угодно. Использование ярких подъюбников с воланом, разрезом, складками или защипами значительно изменит вид юбки. К этим базовым вещам следует подобрать блузки, топики и современные разнообразные аксессуары.

– Какие ошибки женщины чаще всего допускают в выборе своего образа?

– Основной проблемой является неумение преподнести вещь на себе. Ведь нельзя забывать, что не вещь украшает человека, а наоборот. Но прежде всего надо понравиться самой себе. Совсем не следует зацикливаться на моделях, причёске и макияже времён своей юности.

Часто можно встретить и разностильный гардероб. Присматриваясь к туалету многих женщин, можно заметить, насколько неуместными являются какие-то детали их одеяния. Многие даже и не подозревают о том, что выбранный цвет делает лицо темнее, а открытые места тела выдают его изъяны.

Конечно, в магазинах явно недостаточно модной одежды для дам с нестандартными фигурами. Отсюда нередкая нелепость внешнего вида, плохое настроение и недоверие к комплиментам. Не секрет: какой бы дорогой ни была вещь и от какого бы мирового кутюрье ни исходила, это отнюдь не значит, что она вам подходит. И тем более досадно потом понять, что отданные за покупку деньги оказались выброшенными на ветер.

Всегда следует помнить, что боязнь на себе экспериментировать и видоизменяться – это неверие в себя, в свою привлекательность и собственный шарм!

…Хочется надеяться, что советы Ларисы Лариной-Кузиной послужат омичкам (и не только) хорошим поводом взглянуть на себя со стороны и подтолкнут женщин на поиск своего неповторимого образа. И ещё: искренне жаль тех дам, которые во что бы то ни стало мечтают похудеть! Они изнуряют себя всевозможными диетами и физическими нагрузками, всегда чувствуют моральную ущербность и боятся, что их полнота рано или поздно станет причиной потери любимого человека или краха карьеры. Но так радостно за тех оптимисток, которые считают, что при своей полноте они выглядят весьма привлекательно. И в этом они, разумеется, правы.

Василий Костриков

Омск

Василий Семёнович Костриков (17 сентября 1929 – 12 июня 2007). Родился в хуторе Рябовка Волгоградской области в многодетной семье. В 1941 году 12-летним мальчишкой, когда его отец погиб на фронте, пошёл трудиться в колхоз, чтобы помочь матери воспитать остальных малолетних детей. Работал на металлургическом заводе в Волгограде. Вернувшись из рядов Советской армии, выучился на шофёра. В конце 1954 года переехал в Омск. В 1971 году окончил университет марксизма-ленинизма при Омском областном отделении Союза журналистов СССР, получил высшее политическое образование в системе партийной учёбы. Писал рассказы, стихотворения, поэмы. Печатался в региональных периодических изданиях.

В командировке

В 1953 году на новых целинных землях Казахстана созрел первый небывалый урожай колосовых, и собрать его хлеборобам было не под силу. Они просили помощь у советского народа. На их обращение откликнулись тысячи тружеников всей нашей Родины. Тогда в эту советскую республику по железным дорогам, как говорится, по зелёной улице, эшелонами повезли рабочих людей и технику. Поезда, шедшие с ними, спешили и останавливались лишь на узловых станциях, чтобы заправиться водой или сменить паровоз, без задержки отправлялись дальше.

По месту прибытия на разгрузочных площадях представители райисполкомов Казахстана встречали посланцев с техникой, быстро отправляли их по тем местам, где на полях уже круглосуточно кипела работа. Обращение хлеборобов к народу не обошло мимо и десятую автороту «СоюзЗаготТранс», находившуюся в станице Усть-Бузулука Сталинградской области. Из этого далёкого уголка нашей страны на помощь трудовому крестьянству, хлеборобам под руководством

старшего механика автороты Алексея Никитовича Бубнина и его заместителя, диспетчера Алексея Ивановича Кустова, была отправлена укомплектованная автоколонна сроком на три месяца. В списки командированных добровольцев, разумеется, были включены и молодые водители, недавно окончившие курсы шоферов и научившиеся неплохо управлять техникой.

В пути следования начинающие молодые водители с нетерпением ждали время прибытия на место и там, на хлебной ниве, жаждали испытать себя, показать свои способности в труде. Они, на полном серьёзе подготовленные к предстоящей битве, ждали этой минуты – борьбы за «большой хлеб». Молодые ребята успели разбиться по группам, выбрать старших.

На пятый день после выезда из гаража, в первых числах сентября, на небольшой степной железнодорожной станции Мамлютка Северо-Казахстанской области Усть-Бузулукская автоколонна из двадцати пяти бортовых автомобилей, одной техпомощи, бензовоза благополучно разгрузилась с платформ эшелона. В эту же ночь колонна автотехники выехала к месту стоянки, намеченной в селе Троицк. Вытянувшись длинной лентой, прорезая ночную мглу прожекторами, дальним светом фар, она «плыла» по незнакомым грунтовым дорогам и безостановочно удалялась всё дальше и дальше от станции на юг. Впереди на «головной машине» ехал немолодой, но отлично знавший своё дело механик Бубнин и человек, сопровождавший его бригаду до места. Человек показывал направление, называл населённые пункты, остававшиеся по обе стороны от тракта. Ответственный механик записывал в блокнот названия сёл, расспрашивал о дорогах. Его беспокоило то, что в период осенних дождей на болотистой земле Казахстана водительскому составу работать придётся нелегко. Поэтому далеко от магистрали располагать свою автоколонну Бубнин не желал. Ему хотелось выбрать такое место стоянки, где не было никаких помех в работе водителям, в бесперебойной доставке со станции горючего и обслуживании транспортом как можно большего количества населённых пунктов. Но приказ есть приказ, и механик следовал туда, куда было предписание. Оставив позади село Санжаровку, автоколонна свернула с тракта в юго-восточном направлении.

Здесь накануне прошедших дождей дорога заметно ухудшилась, стала мягкой, расплывчатой, на ней местами чернела вода, блестели кашицей лужи. Преодолевая такие участки проезжей части, некоторые грузовики молодых водителей буксовали в болотистой массе и садились на полуоси. Надсадно гудели двигатели, нервно перекликались друг с другом шофёры, стараясь выбраться своим ходом. Из этого ничего не получалось, каждому завязшему автомобилю требовалась практическая помощь. Тогда кто-то из водителей, едущих впереди, сдавал свой «газик» назад, брал машину товарища на буксир, вытаскивал из грязи и снова продолжал путь. Не все начинающие водители терялись в такой ситуации. Например, молодой широкоплечий шофёр Геннадий Громов с быстрым взглядом, неуёмным, прямым характером, по прозвищу «Флотский», получивший его за то, что после демобилизации не расставался с любимым обмундированием матроса, в колонне ехал предпоследним и внимательно следил за дорогой. Он мог быть разным, но на работе или службе всегда одинаковый: собранный, энергичный, принципиальный и изобретательный. Нисколько не уступал профессионалам. Добровольно, когда требовалось, помогал товарищам и там, где вязли их грузовики, умело провозил свой автомобиль без посторонней помощи.

Впереди него управлял машиной полный, нерасторопный и во всём медлительный ровесник, бывший курсант по автошколе Александр Кузнецов. Если он здоровался за руку, то после разговора подолгу чистил свою с мылом, а руку подавал как-то не прямо, а в сторону, говорил куда-то в пустоту, вовсе не гладя на собеседника. Товарищи по автороте не хотели его брать с собой в командировку, потому что Кузнецов много пил и был плохим шофёром, часто подводил, позорил коллектив. По настоянию руководства и отсутствию ему замены,

Александра взяли, даже дали новый автомобиль ГАЗ 51, а тот пообещал не выпивать во время командировки.

Оторвавшись от товарищей, он часто останавливался, вылезал из кабины и подолгу копался под капотом своей машины, чем раздражал, задерживал продвижение вперёд замыкавшего колонну седоволосого шофёра бензовоза Скобцова, который за несвоевременную остановку в степи невольно ворчал на беднягу и, не стесняясь, в его адрес отпускал крепкие словечки. Тогда Александр молча хлопал капотом, садился за баранку и снова продолжал ехать. Но его автомобиль неожиданно снова накренился на бок, забуксовал в луже.

– Ты что там, Саня, завяз? – нетерпеливо окликнул Скобцов, стараясь узнать долгая ли очередная задержка.

– Да сел на мель, провалился, Самсонович, – грубо ответил Кузнецов и, рванул машину вперёд, резко переключив передачу, стал раскачивать машину, нажал на газ. Она содрогнулась и заметно усела ещё ниже. От бешеных оборотов двигателя на месте вращались колёса, из-под которых поднимался дым.

– Ты что делаешь? – озабоченно крикнул шофёр бензовоза, – зачем рвёшь сцепление и резину жжёшь, подкопай под колёсами, на буксир возьму.

– Ерунда, Самсоныч, сам выберусь, – гордо заявил Кузнецов и дал отмашку, – давай вперёд и не мозоль глаза!

Скобцов не заставил себя долго ждать, вырулил из колеи, прибавил газ. ЗИС 150 быстро миновал завязший грузовик, выехал на дорогу, как будто в усмешку поморгал дальним светом фар и скрылся в ночи.

Геннадий Громов остановился, хлопнул дверкой кабины и приблизился на помощь к товарищу.

– Ну что тут у тебя, не выберешься, что ли?

– Да, если бы это было так, – виновато ответил Кузнецов, – стучит где-то, а где и что, никак не пойму. То ли в моторе, то ли в коробке передач…

– А ну, разреши, – решительно ответил Геннадий.

– А ты что, тут найти неисправность хочешь? – освободив кабину, удивился Александр.

– Да, попробую, – заверил Громов и сел за руль.

– Геннадий, так искать-то не в кабине надо, а… – забеспокоился шофёр.

– Знаю-знаю, – безобидно произнёс товарищ и запустил двигатель. – Вначале мы проверим работу «сердца машины», а затем попробуем её на ход. Ясно? – меняя тон, спросил Громов.

– Ясно! – по-армейски, но ничего не понимая, буркнул Кузнецов и отошёл в сторону.

Громов несколько раз нажал на газ, двигатель ровно развивал обороты, устойчиво работал на холостом ходу. Убедившись в том, что с двигателем всё в порядке, он включил пониженную передачу и плавно отпустил педаль сцепления. Автомобиль без проявления стуков забуксовал на месте.

– Врёт, небось, – подумал Громов, прибавляя газ.

И тут сквозь шум работы двигателя, мотора глухо застучало под кабиной. Водитель выключил передачу, повернул ключ зажигания, заглушил мотор, вылез из кабины.

– Слышал? – устало зевая, спросил Александр.

– Да, подвесной подшипник стучит, – твёрдо ответил товарищ и объяснил Кузнецову, как нужно устранить неисправность, попросил подключить ламповую переноску.

– Да брось ты, Гена, – запротестовал он, – время за полночь, а ты вздумал по грязной воде лезть под машину и ремонтировать какой-то подвесной подшипник, оставь всё до утра, потом сделаем.

– Ты что, Саня, разве не знаешь, что подвесной подшипник не ремонтировать, а закрепить болтом надо, он сейчас на одном повреждённом болту держится? – И, не дождавшись ответа, снова спросил: – И как ты думаешь, что нам скажет механик Бубнин, если мы из-за такого пустяка до рассвета не прибудем в село Троицк?

– А что ему говорить, – огрызнулся Кузнецов, – если у нас в дороге случилась поломка.

– Какая поломка? – возмутился Геннадий. – Зачем выдумывать, Саня, не лучше ли сделать дело и вперёд?

– Сделаем одно, машину надо вытаскивать, а там ещё что-нибудь найдётся, провозимся до восхода солнца, а утром уставшими в рейс? Извини, Флотский, так не пойдёт, – не сдавался товарищ. – Не знаю, как ты, а я предпочитаю выспаться, работать, как ты, на износ из-за зёрнышка не стану, мне ещё долго до пенсии трубить… – заявил он и направился к автомобилю Громова.

Геннадий молча проводил его взглядом и, не мешкая, взялся за работу. Он наломал густых веток, связал их пучками и бросил под машину. Затем подключил переносную лампу, взял нужного размера ключи, соответствующий болт и пополз к кордону.

Чернеющий лес неразличимо сливался с беззвёздным пространством неба. Еле заметная ведущая через него дорога, казалось, уходила в туннель неведомой бесконечности. Тихая, тёмная казахстанская ночь в воображении человека навевала эпизоды из разных сказок. С севера тянуло прохладой и терпким запахом хлеба. От тёплого двигателя на ветровом стекле, облицовке транспорта собирались капельки воды и струйками стекали вниз. Закрепив подвесной подшипник кордона, Громов не стал рвать ходовую часть завязшему грузовику, а решил его взять на буксир своим автомобилем. Для этого он растолкал уснувшего товарища, объяснил ему, что хочет сделать.

Александр кивнул головой, покорно вылез из кабины и, шлепая кирзовыми сапогами по воде, увалистой походкой направился к своему автомобилю. Геннадий подал грузовик вперёд, накинул трос на крюк, прибавил газ. Машина натянула буксир, немного попятилась, колёсами разбрызгала лужи, накренилась на бок и совсем опустила кузов. Бесполезная затея была очевидной.

Кузнецов щёлкнул дверкой.

– Эй, Флотский, – крикнул он, – глуши мотор, не выберемся.

Громов выключил зажигание, вылез из кабины.

– Ну что, и свой посадил? – облокотившись на баранку, осуждающе спросил Кузнецов.

– Да, выходит так, Саня, – не скрывая досады, ответил Геннадий. – Дорога плохая, чёрт побери, без цепей на баллонах и пробовать нечего, – оправдывался он, – теперь до утра, будем надеяться, что пойдут другие машины, вытащат.

– Давно бы так, – произнёс Александр и снова рухнул спать.

Продолжение следует.

Пётр Кузин
Омск

Ветеран, сирота Великой Отечественной войны. Автор многих книг.

Горемыко

Рассказ-быль

Услышал я это много лет назад в одном из колхозов Омской области. Меня с женой пригласили на свадьбу в деревню в мае месяце. Мы приехали, нашли нужный дом, где жил жених. Его предки – бывшие жители Украины, также в колхозе живёт много семей украинцев. У жениха изба просторная на две половины, горница и кухня. В кухне обитает почти древняя старушка, отгорожена занавеской от русской печки.

На свадьбе, кроме нас, городских никого нет, все местные старожилы и обрусевшие украинцы. Водки в магазинах много, а денег у народа мало, средняя зарплата 60-80 рублей в месяц. Чтобы водку не растащили прежде времени, жених спрятал часть для следующего дня к бабушке

под кровать, она только по «надобности» покидает свой закуток. Кушает и спит там, остальное время в окно смотрит на улицу.

Когда компания находилась в самом радужном настроении, а водки на столе оказалось мало, хозяин подал мне знак принести из заначки. Старушка лежала в закутке, с закрытыми глазами. Я просунул руку под занавеску, свисавшую до пола, стал на ощупь искать бутылки. Кто-то больно цапнул за мой палец, от неожиданности я упал на пятую точку опоры. Бабушка почти беззвучно, весело смеялась. Меня больно ущипнула сидевшая на гнезде гусыня. Свадьба не поминки, всегда весело, вот и я веселился, посылал многих просунуть руку под кровать.

Утром, пока ещё не собрались вчерашние гости, я сел на кровать к бабушке. Она оказалась разговорчивой, добродушной и разумной старушкой. За столом не была потому, что свою норму выпила, своим присутствием не хотела портить настроение присутствующим. Раньше от хозяев дома я слышал, что «божий одуванчик» видела Нестора Махно. Я спросил: бабуля, сколько вам лет? Она как будто ждала этого вопроса, на увядшем лице появилась улыбка, ответила:

– В прошлом году исполнилось 101 годик, касатик.

Я прожила длинную жизню, пережила революцию, голод, финскую и немецкую войны. Хлебнула горюшка много, и радости были, когда молодая была. Сейчас живу как сверчок за печкой, словом перекинуться не с кем. Все на колхозной работе, после неё дома батрачат, им не до меня разговоры разговаривать. – Я интересуюсь: бабушка, это правда, что вы видели батьку Махно?

– А як же, прямо как тебя лицезрела. Мы в то время жили не так далеко, где он жил со своей армией. То место в народе называли «Гуляное поле». Сказывали, что он сам родом с того места. Про Махно тогда много разных разговоров было. Что он безбожник, антихрист, разбойник, зверствует сам, и его войско. Только у нас этого не было. Три или четыре раза он и его охрана были в нашем хуторе. Просили продуктов для армии, силком ничего не брали. И обещали за всё заплатить деньгами или одеждой, коли возможность будет. Когда народ помог его попрошайкам, апосля привезли одежду и раздавали, кто продукты давал, перепадало и тем, кто не давал.

Мы не давали, но я побёгла туды с дочкой поглядеть для интересу, тады и увидела ево. Он молодой, статный, в кители военным, ремнями перепоясан, и сабля с наганом при нём. Кучер на облучке сидит, Махно в карете, рядом с ним тоже в ремнях молодой мужик развалился как барин. Верхами на конях его люди кругом. Народу полхутора прибёгла, на другой подводе два мужика пытают народ, кто давал продукты. Тем отдавали разные вещи, говорят – у буржуев отобрали. Мою дочку пытает чубастый казак с той подводы с одеждой:

–Ты, красавица, чего молчишь? Али не помогали нашей армии?

– Нет, говорит, – не помогали, нас в то время дома не было. Он ощерился, говорит: – Не помогали, так поможете. Кинул ей в руки полушалок, сам скалит зубы, предлагает: пригласи в гости, красавица, не обижу, одарю подарками и деньгами.

Я ему кричу:

– Ты её подарками одаришь, иёный муж тебя кулаками встретит. Он в плечах пошире тебя, и кулачищи с твою голову. У того ажно чуб набок от злости свис, сердитым стал, брызгает слюнями, допрос учинил:

– Почему её муж дома?! Он должен Родину защищать, а не за бабские юбки хаваца!

Я тогда была боевая и кое-что в жизни видела, ко мне липли мужики как мухи на мёд. Думаю: этот прохвост ни одну бабу мимо себя не пропустит. Поэтому со мной разговор затеял. А он зенки вылупил, орёт:

– Показывайте хату, я сейчас с ним разберусь!

Напужалась я, зять-то мой у красных воевал, думаю: сейчас всыплет мне кнутом при всём народе, оправдываюсь, он тоже на войне, – говорю. Пошутила я по глупости. Он своё гнёт:

– В красной банде воюет?!

– А кто его знает, – отвечаю, – воюет где-то, нам не ведомо. Кое-как отвязалась от него и страху натерпелась. Сейчас я тебе, сынок, покажу тот полушалок. Старушка открыла старинный сундук, окованный полосками железа, достала подарок. Ему не меньше лет, чем её обладательнице. Но он не потерял своего изящества и красоты. Тёмно-синий цвет, с узорами роз естественного цвета, плетёные кисти дополняли старинный женский головной убор. На вид он казался объёмным и тяжёлым. На самом деле был лёгкий и сползал с руки при наклоне. Я держал дорогой по тем временам подарок, подумал: этот полушалок носила знатная особа. Простой народ такой роскоши не имел.

Бабуля накинула полушалок на плечи, чуть приподняла подбородок, вспомнила: в молодости я была дюже красивая, языкастая и недоступная. Бывало, намусолю брови, губы, щёки и на вечёрки с подружками пойду. Много за мной увивалось хуторских хлопцев, да мне они были не любы. А тот, кто был люб, меня не замечал.

Я намекнула ему в шутку, спросила: когда сватов пришлёшь? Он отвечает:

– Время, Алеся, ещё не приспело.

Вот я и захотела ему отомстить, взяла и вышла за того, кто посватал. Им был Горемыко Никита. Фамилия его мне не глянулась, он тоже не особо. После привыкла, полюбила и родила двух дочек.

Когда началась война, немцы как крысы шныряли по Украине, издевались над людьми, в нашем хуторе застрелили несколько человек. Мою старшую дочь снасильничали, потом убили. Мы, как могли, похоронили мою дитятку. После наша семья в Сибирь уехала. Тады, почитай, половина жителей хутора перебрались сюда. Дочкин полушалок я себе взяла на память, кровинке своей. Так и лежал в сундуке всё время, редко одевала ево. Во время войны жили дюже бедно, и после неё лучше не стало. Не до веселья было тогда, вот и лежал ентот полушалок как память о дочке.

Наверно, от фамилии мужа мне пришлось одной горе мыкать, потому как фамилия ГОРЕМЫКО. После войны многие наши уехали домой, у кого родственники нашлись. Мы остались, дочка вышла замуж за русского, родила сына Николу. У него тоже семья появилась, дети и внуки, вот сейчас мой отросток свадьбу справляет.

Старушка села на кровать, я представил её молодой, красивой, задорной. Думаю, что о своей молодости она говорила правду. Даже в столь преклонном возрасте, разгладить бы её морщины, она будет выглядеть лет на сорок моложе своих годов.

Появились первые гости, я предложил: – Баба Алеся, выпейте рюмочку за своего отпрыска и его жену. Она согласилась, я принёс водки, закуску. «Божий одуванчик» опрокинула грамм 150 водки. Через несколько минут затворница преобразилась, вроде интерес к жизни появился, мечтательно сказала:

– Мне бы сейчас годков тридцать скинуть, тогда бы я такой гопак вам сплясала, что тарелки со столов слетели бы! В своей молодости я успевала везде: делала любую работу, выпить могла и веселиться умела. За себя постоять могла, наглецы не единожды получали от меня оплеухи, когда распускали руки.

Видно, спиртное пробудило в сознании старушки лучшие годы прожитой ею жизни. В разговоре бабули появилась пауза, я спросил:

– После ещё вам приходилось видеть Махно?

– Видела один раз, тады он на сходку всех собрал, сердитый был, говорил, как собака лаял. Я не дослухала, домой ушла.

Нашу беседу прервали, меня потащили за стол. На вечернем автобусе мы уехали домой. С бабушкой я не попрощался, она спала крепким сном. На следующий год я приехал за грибами, бывший жених должен был поехать с нами в подобные места. Мы вернулись из леса, подкрепились, я заглянул в закуток за печку.

Бабушка узнала меня, улыбнулась, спросила: опять со мной погуторить про Махно хочешь? Так я вроде всё, что знала, рассказала тебе в прошлое лето. А про жизнь поговорить можно. Прощаясь с ней я, спросил:

– Баба Алеся, сколько вам лет?

– В том году исполнилось 101 годок, – уверенно ответила бабуля. – Всех пережила: мужа, детей, зятя, сама всё живу, даже совестно перед Богом. Не живу, сижу за печкой потому, как была ГОРЕМЫКОЮ, так и осталась ею.

Я подумал: наверно, сейчас в её жизни радости совсем нет, коли счёт годам потеряла.

Юрий Мартишин

Электросталь, Московская область

Юрий Фёдорович Мартишин. Родился 15 октября 1963 года в городе Электросталь Московской области в семье рабочих. Окончив 8 классов, поступил в медучилище № 7 Москвы, на фельдшерское отделение. После окончания училища в течение двух лет работал на 21-й подстанции скорой медицинской помощи Москвы. С 1991 по 1995 годы трудился на предприятии вагонов-ресторанов Западного направления российских железных дорог. С 2003 года начал писать стихотворения. Первый сборник под названием «Начало» вышел в 2004 году. Второй сборник – «Откровение» – в 2006 году. Является активным членом городского литературно-музыкального театра «Озарение». Неоднократно был участником, лауреатом городских литературных конкурсов. Его стихотворения были опубликованы в газете Электростальского городского литературного клуба «Содружество», газете «Богородские Вести». Соавтор шести стихотворных сборников. Является членом Союза писателей России.

Эх, деревня

Эх, деревня, беленький домик.
За крапивой не видно забор.
В сорняках утонул огородик,
Сгнил заброшенный дедушкин двор.

Между длинных луковых грядок
Ковыляет Володька сосед,
Что-то там бормоча про порядок.
Видит, я, и с улыбкой: «Привет».

Говорит, что месяц в запое,
Что жена убежала к родне.
«Настроение, Юр, никакое.
Ты привёз? Пошли, выпьем, ко мне».

Заходим, садимся за столик,
Пьём, ведя о былом разговор.
Эх, деревня, завалинка, дворик.
Огороды, за ними простор.

Да, давно в деревне мальчишкой
Жарким летом гостил каждый год.
С Витькой, Светкой, Иваном и Мишкой
За грибами ходили в поход.

На сады соседей ночами
С деревенскими делал набег.
Дед, поймав, бил до крови вожжами.
Я запомнил: чужое брать грех.

Эх, деревня, беленький домик,
За крапивой не видно забор.
Был когда-то за ним огородик,
А сейчас сорняки. Вот позор.

Помню, мчусь вдоль грядок
с братишкой.
Дед, смеясь, понарошку ловил.
Эх, хотел ведь приехать с сынишкой.
«Выпьем, Вов. Лучше б не заходил».

Мой город

Панельные дома, шум бойкой трассы.
Людей поток ползёт, как стая крыс.
Асфальт просел от этой умной массы.
Мой город – ты божественный каприз.

В твоих трущобах нищие мечтают
О сытой жизни и спокойном сне.
Их дети на помойках пропадают,
Собак бездомных гладя по спине.

Стоят угрюмо старые заводы.
Их дым из труб окрасил стаи птиц.
Они глухи к страданиям природы,
В цехах резвятся всполохи зарниц.

Вокзал, темно, я вышел из вагона.
Подземный переход и по прямой.
В асфальте дыры, мусор, гул перрона.
Иду, шепча: «О, бедный город мой!».

Алёна Староверова

Королёв, Подмосковье

Алёна Валерьевна Староверова. Преподаёт математику, периодически развлекается творчеством, философствованием, созерцанием. В результате чего рождаются всевозможные творения, от стихов, прозы до вязаных салфеток, шарфов. «Вдохновение, помноженное на математику и иньские энергии, – поистине гремучая смесь, способная породить совершенно неожиданные инсайты, частью которых иногда хочется поделиться с другими людьми. Посему предлагаю читателям свои творения».

Славянск

Детство полно солнечных мечтаний...
Лето дольше, небо голубей.
Череда идёт воспоминаний...
Мы у бабушки гоняли голубей,

Обрывали вишню, абрикосы...
И за это получали нагоняй,
Как гоняли нас задиристые осы,
А друзья все были, как семья!

Церковь, озеро Солёное, Репное...
Сколько было смеха, соли, брызг...
Всё такое близкое, родное...
Троллейбус до Курорта, пляжный визг.

Детский сад и школа на Артёма,
Каждый камушек был нами там
открыт.
Бабочек ловили рядом с домом,
Среди цикория, что росами омыт.

Славянск... Никак я не пойму, как так
случилось,
Что там теперь нет смеха, только
страх.
И жизнь в один момент остановилась,
Мгновенно обратившись в горький
прах.

Что там людей невинных убивают,
Снаряды рвутся, целят в город
«Грады».
А кто-то говорит: «Так им и надо,
Они же ватники тупые, колорады».

О Господи, прошу Тебя, спаси людей...
Их души от невежества и злости…
Они же превращаются в зверей,
Грызущихся за призрачные кости...

Неважно, кто ты: русский, украинец,
Китаец, немец, египтянин, чех,
Француз, араб, словак иль нигериец.
А важно, чтобы был ты – Человек.

Ведь каждый знает в глубине души
О том, что все мы братья, не враги
друг другу...
И надо бы простить и рассмешить
Того, кто в злости слепо бегает по
кругу.

Мы все хотим жить в мире дружно.
Растить детей, здоровым быть
до века...
А ведь для этого совсем немного
нужно...
В себя взглянуть, найти там Человека.

21 июня 2014 года

Две души

I

Ты клялась провести меня сквозь все
невзгоды.
Ты клялась, что не бросишь меня никогда.
А теперь я остался один в непогоду.
Без тебя, без тебя, без тебя, без тебя…

Ты клялась, что всегда будешь рядом
со мною.
Что тебе не преграда и толстый гранит.
Что придёшь сквозь буран иль
умывшись слезою…
Я зову… а в ответ – только эхо кричит.

Ты клялась, что утешишь боль тела и духа.
И что свет я увижу, пойдя за тобой.
И коснётся блаженства симфония слуха,
И пребудет мечта моя рядом со мной.

Что найду свою цель, и меня поведёшь
К ней сквозь тернии, нужный мне путь
указав.
Что со мной сквозь миры
и пространства пройдёшь.
Что увижу я суть, тайный смысл познав.

Ты клялась… Но кто знал, что уйдёшь
ты одна
К дальним звёздным мирам без меня,
без меня…
Ты ушла… За цветами из света огня,
Ты клялась, что вернёшься… Ко мне…
Навсегда…

II

Я клялась провести тебя сквозь все
невзгоды,
Я клялась, что с тобой буду рядом всегда.
Что приду и укрою от мерзкой погоды,
Что теперь не смогу быть на свете одна.

Знаю я, что мы часть бесконечного света.
И что путь свой найти можем мы наугад.
Я клялась, что для нас будет вечное лето
Полным страсти и счастья без всяких
преград.

Я звала за собой сквозь миры и
пространства.
И спешил ты скорее на мой тихий зов.
И слетали с души все земные
убранства,
Кандалы тленных мнений и тяжких оков.

Но я лишь человек… Дух, закованный
в плоть…
И мне нужно самой научиться летать…
Силой воли собравшись, отправилась
в путь,
Чтобы с жизненным светом вернуться
опять.

Я ушла… Но твой образ остался со мной.
Я клянусь: ничего нет ценней для меня.
И как только найду хоть крупинку огня…
Я клянусь: навсегда я вернусь за тобой.

III

Век прошёл… Не один… И быть может,
не два…
И быть может, сменился мой облик не раз…
И вот я – человек, точно так, как тогда…
Наконец, льётся свет из моих древних глаз…

Я пришла в этот мир, плоть от плоти
земли,
Осознав бытия сокровенную суть.
И мне вспомнились душ наших те
огоньки…
И как я поклялась показать тебе путь…

Через время, пространство… Границы
миров…
Я несла с собой бережно образ твой
смутный.
А теперь вдруг упал плотно-серый
покров…
И я вспомнила всё… Мне хватило минуты…

И я вдруг поняла, что весь свет мой –
в тебе.
И лишь образ твой силы давал мне
летать.

Рисунок Анны Секериной

И вот ты предо мной… На неторной
тропе…
И тебе одному нужно светоч отдать…

Я пришла. Навсегда. Сквозь
пространства, века.
Мне хотелось самой научиться летать.
Но сейчас поняла, как слаба я одна…
И лишь вместе с тобой сможем вечность
догнать.

IV

Я смотрю на тебя. Ты прекрасней зари.
Как могла я забыть про тебя, про тебя…
Я прошу: ты прощение мне подари…
Что заставила жить без меня, без меня.

Я смотрю на тебя. Слёзы льются из глаз.
Слёзы счастья от тающей вечной зимы.
К праотцам улетают осколки от фраз,
Распускается цвет нашей жизни – весны.
Я в безвременье ждал, что вернёшься
ко мне.

Что однажды осветишь дорогу в ночи.
И не раз я сжигал своё сердце в огне,
И везде оставлял для тебя я ключи.

Я искала тебя… И вот ты предо мной…
Наконец, наши души звучат в унисон.
Только в нынешней жизни ты будешь
женой.
Я – мужчиной твоим… И уж это не сон.

* * *

И почему сейчас стремятся жить
быстрей?
Как будто жизнь куда-то убегает.
День ото дня стучится мысль:
«Скорей...».
Боятся, что на поезд жизни опоздают.

Но почему никто не видит из людей,
Что поезда-то нет, один мираж с
табличкой «Жизнь»
Красивыми картинками так сладко
манит...
День ото дня становимся старей,
Считая, что мудры, что главный отыскали
смысл,
Не понимая, что мираж тот прахом
станет.

Кто-то сказал: «Коль хочешь важность
дела ты понять
Представь, что станет с ним пред ликом
смерти...».
А ведь мираж... Взгляни со стороны,
попробуй осознать,
Как намертво тебя скрутили бренной
жизни плети.

А жизнь ведь не мираж. Она есть здесь,
сейчас, вокруг.
Она – в летящей бабочке, в начавшейся
весне,
В улыбке матери, ласкающей младенца.
И в ливне, что пролился майским утром
вдруг.
В поваленной в лесу грозой сосне
И в запахе расколотого свежего поленца.

Жизнь – череда мгновений,
И каждое из них полно особым смыслом.
Подобно ветру из легчайших дуновений,
Тех, что господствуют над безграничной
высью.

Кто-то сказал, что жизнь – игра. Игра...
В игре ведь главное – участие твоё,
а не победа.
Неважно: прожил жизнь царя ты иль
раба.
Важно лишь то, каким ты умер
человеком.

Клей

Притча

Где-то на краю Вселенной… Или в самом её центре… жили-были… два маленьких, таких крошечных по сравнению со всей Вселенной, человечка. И не знали они друг о друге, пока одним тёплым вечером их пути не пересеклись под внимательным взглядом Судьбы. Судьба, наверное, решила поразвлекаться, посмотреть, что бы такое могло получиться из этого знакомства, и поэтому ещё и намазала человечков заранее клеем, причём специфическим. Таким, который лип только к этому клею и больше ни к чему. Человечки были забавные. Бегали, суетились. Пытались чего-то добиться в своей жизни, особо не задумываясь о том, что вся Вселенная по сравнению с их крошечным бытием – просто бескрайняя. Но они столкнулись. И слиплись. Сами того не заметив. Клей сделал своё дело, соединив их намертво. А человечки продолжили бегать дальше, только та штука, которая их теперь связывала и не давала отбежать на большое расстояние друг от друга, постоянно тянула и тянула, лишая определённой доли свободы. Человечки даже стали впадать в расстройство, пытаясь избавиться от этих пут, но все усилия рассыпались пра-

хом. Что же делать человечкам? Каждый из них думал, думал… Но почему-то долго им не приходило в голову, что можно сесть рядышком, опереться на это склеенное место и вместе подумать, что же им делать дальше. А пока каждый делал вид, что ничего не происходит. Что ничего не изменилось в мире вокруг и в их жизнях. Как будто они и не были склеены этим вечным клеем. Когда один из них пытался отбежать от другого, вернее, просто бежал в нужную ему сторону, противоположную той стороне, в которой был другой человечек, он невольно тянул за собой и второго человечка, дёргая его и делая ему больно. И не понимал, почему же тому – больно. Ведь он же ничего такого не делал. Он просто жил, как привык, своей собственной жизнью. А тот обижался и кричал, что первый нехороший, что обижает его, тем самым причиняя боль в ответ, и тоже – невольно, потому что тем самым он натягивал место склейки, и первому становилось некомфортно, в свою очередь.

Это продолжалось очень долго, относительно крохотных жизней маленьких человечков, но краткий миг относительно масштабов Судьбы и всей бескрайней Вселенной. И так бы человечки и замучили друг друга до смерти, если бы Судьба не обратила на своих питомцев внимание снова. И ужаснулась тому, до чего неразумные человечки довели себя. Они болели, расстраивались, кричали друг на друга, но всё так же не понимали, что такое с ними происходит. И вот, Судьба, улучив очередной момент, когда человечки, уставшие от своей беготни, уселись рядышком, оперевшись на своё место склейки, и стали спокойно разговаривать о том о сём, встала у них за спинами и положила им на плечи свои руки. Тут же что-то в их восприятии изменилось. Они переглянулись, заулыбались друг другу и без слов поняли важную вещь. Что это всё – и есть главное. То, что они могут вот так сидеть рядышком и вот так разговаривать. Они поняли, что всё это время бегали именно от этого, и что именно это пытались найти где-то в других местах, потому что какая-то связь, вызывавшая боль, мешала им наслаждаться общением друг с другом в полной мере. И ещё они поняли, что если вот так сидеть, ходить вместе, всегда оставаясь именно на таком расстоянии, даже не будучи рядышком – то и больно не будет, и это будет спокойное счастье. Потому что именно так они могут пройти весь путь, если будут идти в одном направлении и поддерживать друг друга.

Человечки обрадовались, что, наконец, всё поняли. Пришли в недоумение, что столько времени потеряли на бессмысленную беготню. Расстроились, что всё это было так очевидно, а они не могли догадаться так сесть и подумать. И когда Судьба убрала свои руки с их плеч и отошла чуть в сторону, человечки были уже не отдельными крошечными человечками, а единым целым, которое стало расти и становиться всё больше и больше. Клей, которым человечков очень давно намазала Судьба, превратился постепенно в цемент, который лёг в фундамент их нового большого тела и позволил человечкам стать намного сильнее вместе. Конечно, даже после этого объединения человечки не стали сколько-то много значимее для всей бескрайней Вселенной, но из частиц получаются атомы, из атомов – молекулы, из молекул вещество, из вещества – тела, из тел – различные скопления, а из скоплений состоят Вселенные. Так и человечки – вроде бы каждый из них ничего особого во Вселенной не значит, но вместе – это уже больше, чем один плюс один, а дальше – ещё больше. И в их растущем состоянии они будут всё сильнее объединять мир вокруг себя, постепенно заполоняя всю Вселенную. Становясь Вселенной. И именно это хотела донести до них Судьба, когда намазывала их особым клеем ещё до того, как они стали человечками.

Михаил Козлюк

Екатеринбург

Михаил Александрович Козлюк. Родился 12 ноября 1989 года в Свердловске. Печатался в альманахах «Складчина» (Екатеринбург), «Российские поэты. Том двенадцатый» (Москва). А также на различных сетевых ресурсах. Автор сборника стихотворений «Денница» (Москва, 2012) и трёх мистических романов: «Там, где падает снег…» (Москва, 2013), «Там, где идёт дождь…» (Москва, 2014), «Там, где светит Луна» (Москва, 2014).

Мне незачем ехать. И некуда даже…

Мне незачем ехать. И некуда даже.
Стоит за спиной ангел смерти на страже.
А лето кончается серыми днями.
Порывы становятся просто камнями.

Все люди вокруг – манекены и куклы.
Над городом смог бесконечный и тухлый.
И время романтиков кануло в вечность...
Так, где ты, пиратка? Где вся твоя
нежность?..

Но снова один, словно странник иль ронин,
Закутанный в саван, забытый, убогий...
И дождь за окном не размоет печали,
А Солнце уже не согреет лучами.

23 августа 2014 года

Расскажи про шторма на морях…

Расскажи про шторма на морях
Да сокровищах, скрытых в земле,
И легендах о дальних краях,
Где в лесах ещё есть Шурале*.

Ты поведай про тайну любви,
Вкусе рома и соли во рту.
А ещё, как трепещет в крови –
Зов свободы и флаг на ветру.

Но ты скажешь, что короток век
И в пучине живёт Дейви Джонс**,
А стихия – не Рай, лишь забег.
Кто в нём выиграет? Вот в чём вопрос...

И надев шляпу с красным пером,
Уплывёшь ты на судне в закат,
Чтобы где-то найти вечный дом,
Там поставив на якорь фрегат.

14 сентября 2014 года

Листья уже умирают…

Листья уже умирают.
Небо похоже на вечность.
Я лишь слова подбираю,
Выразить чтоб бесконечность.

Осень съедает мне душу.
Ветер приносит кошмары.
Дождь заливает всю сушу.
В воздухе запах отравы.

Грусть и бессмысленность всюду.
Солнца не видно и света.
С помощью магии Вуду
Впрыснул бы кто-нибудь цвета.

Сентябрь 2014 года

* Шурале – антропоморфное мифическое существо, персонификация духа леса.

** Дейви Джонс – злой дух, живущий в море.

Максим Пичугин

Таганрог

Максим Алексеевич Пичугин. Родился в 1979 году в городе Гагарин (Смоленская область). Окончил РХТУ им. Менделеева по специальности «Инженер-биотехнолог». Публиковался в авангардно-литературном журнале «Вольный лист», в литературно-философском журнале «Топос», а также на сайтах самиздата (Стихи. Ру, Проза. Ру) под псевдонимами Максим Денисов, Велосипедов. Увлекался историей, картографией, мистикой, но самым близким, сильным увлечением или даже призванием считает литературу. Живёт в Таганроге. Проводит платные семинары на тему «Что такое «я» человека?».

Записки юного метафизика

7 октября 2000

Сегодня посмотрел «Матрицу». В целом, конечно, так себе примитивный фильмец. Сплошные драки и спецэффекты. Но основная идея очень понравилась. Занятная мысль о том, что для человека нет ничего невозможного. Достаточно лишь поверить в себя, и ты сможешь преодолеть незыблемые законы природы. Хотя там эта мысль применяется к искусственному, виртуальному миру, а настоящая реальность неуправляема. Так вот, я подумал, а может быть всё-таки в нашем мире тоже возможно добиться такого же всемогущества путём постоянных тренировок. Ведь окружающее мы воспринимаем через призму собственного сознания, и как знать, существует ли реальность вне нас. О законах природы мы узнаём из учебников и безоговорочно верим в их нерушимость, убеждаясь, впрочем, в этом на практике. Но не слепая ли наша вера делает законы справедливыми? Да, но ведь те, кто их открывал, основывались на независимых наблюдениях. Им никто ничего не вдалбливал, скорее наоборот… Нет, всё-таки изначальные практические знания, основу для наблюдений, они получали от родителей, которую те, в свою очередь, получили от своих. И так всё дальше и дальше в глубь веков. А где же корень? Кому нужен этот обман, если, конечно, обман? Непонятно. А вообще-то почему я должен быть уверен, что исторические знания достоверны? Возможно, это тоже выдумка. Если чего-то не видел собственными глазами, нельзя до конца быть уверенным, что оно существует, основываясь только на чужих рассказах. Была ли Америка до открытия её Колумбом? Для европейцев, несомненно, её не существовало. Для индейцев была. То есть она была и не была одновременно. Оба утверждения справедливы. То же самое со всем остальным. Если ты убеждён в верности какого-либо закона то, конечно, он существует для тебя. Но если убедить себя в обратном? Возможно, тогда закон перестанет действовать. Не для всех, но для тебя, это точно. Конечно, трудно, очень трудно. Настолько глубоко сидят внутри сложившиеся убеждения, что практически невозможно их вытеснить. Хотя ведь говорят постоянно о различных паранормальных явлениях: левитации, телекинезе, ясновидении; и о необычных людях, обладающими мистическими способностями. Но разве поверишь до конца, если сам не видел? Вряд ли… Нет, наверное стоит попробовать! Стоит! Непременно!

8 октября 2000, вечер

Около двух часов пытался согнуть ложку силой взгляда, убеждая себя в том, что ложки нет, есть только моя уверенность в её существовании, даже забыл об особенно большой домашке по геометрии (целых пять задач). Но ничего не получилось, наверное, просто ещё не хватает веры. Мама застала меня за этим занятием и основательно выругала.

Сказала, что если в четверти будет хотя бы одна тройка, никакого компьютера на день рождения. Пришлось сесть за уроки. Было невыносимо скучно и нудно.

10 октября 2000

Ночью приснился Морфиус. Он был не совсем таким, как в фильме. И немного походил на нашего физика.

«Ты избран», – объявил он и протянул мне две капсулы: красную и голубую. «Нет никакой разницы, что ты выберешь. Судьба предрешена и неизбежна. А впрочем, всё-таки выбирай», – добавил он. Я долго не мог решить, какую же взять капсулу, а потом подумал и взял сразу две. Морфиус пронзительно расхохотался, и я проснулся. Потом был урок физики. Проходили теорию относительности. Учитель говорил, что в зависимости от системы отсчёта можно сказать об одном и том же теле, что оно движется и одновременно неподвижно. Тогда я поднял руку и спросил:

– А можно сказать об одном и том же теле, что оно одновременно существует и не существует?

– Ну, это уже из области метафизики, а мы изучаем обычную, – ответил учитель, ухмыльнувшись в бороду.

Так я узнал название предмета, который по-настоящему хотел бы изучать.

В тот же день, после уроков, я отправился в городскую библиотеку и спросил учебник по метафизике. Старенькая библиотекарша удивлённо моргнула и сказала, что ничего не знает о таком предмете. Я попытался объяснить, что в школе его не изучают, но может быть, у вас найдётся какая-нибудь литература. Библиотекарша только пожала плечами и предложила мне поискать самому. Раздосадованный, я ушёл ни с чем.

Не оставляю попыток с ложкой, только теперь уже тайком, запершись в ванной или туалете. Пока не получается. Ложку я теперь всегда ношу с собой, даже в школу.

Продолжение следует.

Яна Долинская
Омск

На скамейке осеннего парка

Неуклюжее тело брело по осеннему
парку.
И не видело золота, дивных красок
барокко.
Вот оно примостилось в углу на
скамейке щербатой.
Целлофан развернув, бутербродом
чавкнуло громко.
Развалило разбухший живот, отрыгнув,
улыбнулось.
Посмотрело на мир парой выцветших
маленьких глазок.
Вдруг распялило рот, посинело, хрипя,
задохнулось.
Заголилось, упав, обнажив пару грязных
подвязок.

На подушке кленовых листков
мурлыкала кошка,
Щурясь в ласке лучей уходящего
тёплого солнца.
Воробьи выясняли, кому у скамейки
рассыпали крошки.
Ускользнув, танцевала душа на
песчаной дорожке.

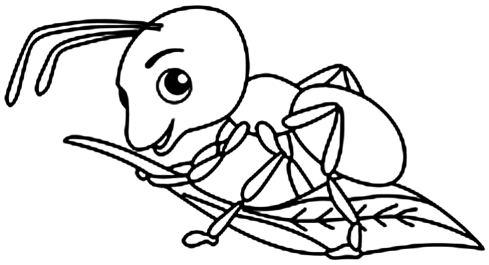
* * *

В осеннем потоке
Жёлтый листик упал
В отражённое сонное небо.
На листе муравей,
Он уплыл в неизвестность, где не был.

И на ветках осин
Недовольно нахохлились птицы.
И промыты дождём
У пустынных веранд половицы.

Обнажённо-дрожащим ветвям
По утрам примеряется иней.
Хрупкость тонко-прозрачного льда
Не нарушит лучик бессильный.

Пахнет снегом. Первый мороз
Разрумянит весело щёки…
Только жаль, муравьишка замёрз
В том осеннем, печальном потоке.



В никуда…

Перекрёстки в лабиринтах чужих городов.
Перекрёстки названий потерянных улиц.
И портреты слепых, неизвестных дворов.
Затхлость съёмных квартир –
продажных распутниц.

Километры исчезли в дорожной пыли.
Пропадают знакомые, милые лица.
Только чувствуешь холод стекла у щеки,
В никуда жизнь по рельсам отчаянно мчится.

Свет

Когда покину дом, у самого порога,
За дверью запертой почувствую тепло.
За ужином семья, камин горит немного,
Луч света из-за штор. Во тьму шагну
легко.

И ускоряя шаг, и каблуки вбивая
В дорогу, словно гвозди в ветхий,
старый гроб,
В нём прошлое давно истлело.
Понимаю,
Что горечь памятью превращена
в сироп.

Блуждая в будущем, кто спутником
прибьётся?
Тоска, небытие, забвенье – всё равно.
Ведь одиночество и в радости вопьётся,
Разрежет до костей. Постыдно и
смешно.

Я буду просто тень во времени,
в пространстве.
Фантом – умчал его холодный, злой
норд-ост.
Фантом – бродячий жид в дождливом
постоянстве.
Фантом – под снежной мглой,
смотрящей на погост.

И где-то в вечности загадочной
вселенной,
Перерождаясь в пыль, теряя свой
маршрут,
Увижу лучик золотистый, тёплый,
светлый,
И вспомню: стол, камин, семья. Кого-то
ждут…

Надежда Николина (Семибратова)

Омск

Надежда Валерьевна Николина (Семибратова). В 2006 году окончила «Среднюю общеобразовательную школу с углублённым изучением отдельных предметов № 8» (гуманитарный класс). В 2011 году окончила ОмГПУ, философский факультет (ныне – факультет истории, философии и права) по специальности «Философия». В 2014 году окончила аспирантуру ОмГПУ по специальности «Онтология и теория познания». С 2012 года – преподаватель кафедры педагогики СибГУФК. В свободное время занимается спортом, научной деятельностью, участвует в конференциях.

* * *

Хочу я понять, что со мною творится,
Хочу я понять, что с моей головой,
Вдыхаю твой запах я по частицам,
И голос мой превращается в вой.
И вдруг в полумраке я наблюдаю,
Как шерстью покрылось тело моё.
Что делать? Как быть? Я свой образ
теряю,
Прекрасное тело на шкуру меняю,
Пронзительный крик вырывается
вновь.
Время проходит, и я понимаю:
Быть честною очень трудно порой,
Но только тогда я собой совладаю,
Открыв свою душу для встречи с тобой…

Ольга Беляева

Омск

Собака

Опять бегу по следу. Глухо
Внутри кишок, и даже ухо
Не выдаёт собачий рай.
Я просто пёс, не самурай –

Я не желаю подыхать,
Всю рукоять вогнав по горло,
Меня пожрать, друзья, припёрло,
И будет плохо вам соврать –

О героизме не мечтаю.
Я тупо лаю на ворон,
И жизни весь оксюморон
Я бесконечно презираю,
Когда достаточность пожрать
Во мне меняют на духовность.
Я выражаю безусловность
И предпочтение бежать

От всей подобной чепухи.
Пошли мне, Боже, требухи…

Неоконченное

Отец прислал мне три письма,
Я два из них отдал тебе.
Ты забрала их оба, два.
Одно открыла на заре

И прогнала меня из дома.
В окно открытое я лез
Прочь из вместилища родного,
И на порезе вновь порез

Ты оставляла. В Душу! В Душу
Плевала лезвием стекла…
Уйду! Покой твой не нарушу,
Жаль, только сильно кровь текла…

Письмо второе ты открыла,
Когда последний солнца луч
Коснулся вздёрнутого рыла
Задратых к нему мрачных туч.

Открыто, вслух… затем стыдливо
Ты прочитала тишину…
И молча форточку открыла
И так оставила… одну…

Анна Вишневски

Омск

* * *

Твои глаза – во всех моих стихах,
Неважно, кто тебе готовит завтрак,
Что с головой укутавшись в делах,
Ты не придёшь, ты не вернёшься
завтра.
Любая песнь поёт мне лишь о том,
Что где-то ты, ты жив, а остальное
Мне всё равно: какой сменил ты дом
И кто она, живущая с тобою.
В моей душе – твоей души печать,
И где б тебя чертями ни носило,
Кого б под вечер ты ни шёл встречать
С ветрами отдалённого массива,
Я слышу голос твой в своих словах,
В любых делах немое соглашенье,
Как будто там, уснувши на руках,
Твоею навсегда укрылась тенью.
Во мне меня чуть меньше, чуть больней,
И может, в жизни есть одна лишь
правда,
Что в суете безрадостных недель –
Ты не придёшь, ты не вернёшься
завтра.

* * *

У каждого в копилке стих про осень –
Как лист, сутулясь, падает на пень,
И ветер по дворам песок разносит,
Как бы в помин ушедших летних дней,
И серым одеялом небо ляжет.
Закатным солнцем отгорает барбарис.

...Давай уедем, где пески и пляжи
И эта серость так не тянет вниз.

Подумай только – там сегодня лето!
А эта осень – так пропахла виски.
Возьмём лишь паспорта, и два билета,
И мой довольно ломаный английский

А дальше с верой канем в облака,
Махнув озябшим зданиям крылом…
Там люди, что не встретились пока,
И дни, что нами вспомнятся потом.

К чему нам этот дождь и фонари?
Ведь осень хороша лишь на пейзаже.
...Давай уедем, на недели три,
А хочешь, можем на полжизни даже.

Пускай всё так: красив и многолик,
Кленовый лист, оставшийся лежать.
Но если ты душой совсем поник,
То нужно, слышишь, к морю уезжать!

Давай уедем…

Саша Седельников

Омск

Царапает утро глаза

Царапает утро глаза,
Отсыревшие склеры сознания,
Всё, чего я не понимаю,
Между нами
Сгорал налёт сна

Не помню, как
Научился общаться с отчаянием
Ноги тянет
Словами,
Что я выдыхал вчера,

Ведомый удушьем вен
Внешнее сходство с холодом
Когда-то это всё уже пробовал
Шёпотом
Себя на размен.

Вероломно

Есть дни в полтона,
Коротковолны,
Как о бетонное «всё в норме»,
И непроглатываемое, рвотное,
Безответное, заветное, путеводное,
И меняющее в бездомного,
Вероломно,
Уравнивая с антонимом «невесомы мы»,
Оставаясь при своём неприсвоенном,
С кого-то срисованном,
От них тянет холодом, внесезонно,
А ТЫ так долго со мной не знакома,
Что, кажется, проклята…

Для вида

Сквозь меня о своём
По инерции апартеида –
Это так и останется днём,
Когда близость была только для вида.

Край, не отмеченный ночью,
Лихорадка, присущая крику,
Ты больше не узнаёшь мой почерк,
А я писать про тебя не тебе не отвыкну.

Это не звук, но ты вздрогнула
И ветер шелестит в попытке,
И я снова в роли снотворного –
Ведь «забыть» – нас не выведет в квиты.

Марина Милинчук

Омск

Марина Николаевна Милинчук. 25 лет. Инженер-электрик, работает в проектирующей организации. В 2013 году окончила ОмГТУ по специальности «Электроснабжение промышленных предприятий». Увлекается аниме, любит рисовать, творить, вышивать крестиком. Пишет стихотворения (когда приходит вдохновение) с 17 лет.

Реальность сквозь сон

Половинка Луны.
На дороге снег.
Средь ночной темноты
Начинают свой бег

Серебристые звёзды.
Холодно. Я во сне…
По щекам плывут слёзы,
И танцуют в огне

Злостно-мягкие блики.
Коридор. Бледный свет.
За углом стоят лики,
Но спасения нет…

Страх забрался мне в сердце,
Чувства в пятки ушли.
Шаг за шагом. Мгла. Дверца –
Повезло – не нашли!..

Пробираюсь пугливо,
Оглянулась назад,
Сразу стало тоскливо.
Ключ ищу наугад:

«Есть!». Трясётся рука,
Начался нервный тик.
Словно сеть паука
Разрослась здесь. Тупик. –

Я на лестницу – выше,
Ждут меня там дела!
Раз и два – я на крыше!
Жаль, тетрадь не взяла…

Чёрт, оставила где-то,
В ней людские мечты,
Те, что век под запретом, –
Их доверил мне ты.

Что же делать? Не знаю…
А внизу слышен вой…
Боль. Тоска. Улетаю,
Заберу всё с собой.

И меня разрывает.
Голос чей-то. Не мой.
Призрак? Нет. Подбегает
Человек молодой:

«Не делай! Спустись!».
Удивленье. Стою на краю.
– Сейчас же проснись!
Мгновенье – его узнаю:

Походка, движенья,
Сиянье в глазах…
Второе мгновенье:
«Что я сделала?! Ах!!» –

Нога. Оступилась… –
Я падаю вниз.
(Душа возвратилась.)
Задела карниз.

Вдруг чувствую руку –
Он прыгнул за мной
И, нежно обнявши, сказал:
«Я с тобой!».

27 февраля 2007 года

Забыть

Блики. Тьма. Внезапный свет!
Кто и где я?.. Вот ответ…

Лужи… крови… Слёзы. Боль.
Кто-то держит. «Не неволь!»

Миг. Сознание проснулось.
Взрыв. Отчаянье вернулось!

Нет. Нельзя. Пойду обратно.
Глупо. Странно. Неприятно.

Видно, такова судьба.
Больно. Выбрала сама.

Нужно срочно вылезать.
Если нет, уйду опять!

Сколько можно воду лить?
Нужно лишь забить. Забыть!

Ты где? Скажи. Не вижу!
Ложь. Спотыкаюсь. Ненавижу!

Одна. Как будто знала.
Теряю равновесие. Упала.

Вода и соль – остановитесь!
Душа и сердце – злитесь, злитесь!

Порвать. Забыть. Учиться снова!
Найти себя. Найти основу!

23 июля 2013 года

Часть души

Я убила человека
Маленького внутри себя.
Он закрыл неспешно веки
И ушёл в суть бытия.

Так устала видеть боли,
Слёзы, вздохи, ночью кровь.
У него не хватит воли,
Должно мне ему помочь.

Ведь никто его не видит,
Сложно будет потерять.
Может, тихо ненавидят,
Но стесняются сказать…

Часть души – кусочек малый,
Больше–меньше–незаметно,
Если он слегка растает,
Испарится… весь... конкретно.

Все ушли, забыт навечно,
Нет терзаний, мук, поверьте.
А использовать – бесчеловечно.
Так отправлю каплю к Смерти.

1 июля 2014 года

Татьяна Рэйн

Омск

Татьяна Валерьевна Рэйн. Родилась 19 мая 1994 года в Новосибирске, потом её родители переехали в Омскую область. Сейчас она живёт в Омске. Стихи пишет не так давно. Всего три года. В 17 лет оказалась в очень тяжёлом болезненном состоянии, была на грани жизни и смерти почти полтора года. В это время, собственно, и начала писать стихи. Учится на третьем курсе факультета психологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, безумно любит стихотворения и всё, что с ними связано. Татьяна – начинающая сетевая поэтесса, у неё есть свой маленький паблик в социальной сети «ВКонтакте» и профиль на сайте Стихи. Ру.

* * *

осень – пальто и свитер, ворот поднять
повыше,
руки в карманы спрятать, чтобы хранить
тепло.
музыку в уши громче – этим-то мы и
дышим,
в мир выходя враждебный, свой покидая
дом.

ВУЗы, дела, работа, спины немых
прохожих,
грязный тяжёлый воздух, вечный поток
машин…
люди все так устали, люди все так
похожи
тем, что добра и веры нет в них.
и нет души.

а возвратясь под вечер, хлопнув
квартирной дверью,
люди латают раны, молча меняя бинт…
каждый из нас – ребёнок, ставший
несчастным зверем.
каждый был кем-то предан.
каждый
искал
любви.

* * *

холодные капли стекают в мои ладони,
я слышу присутствие осени, её шаг,
в твоих глазах днём и ночью другая
тонет,
а мне так свободно здесь.
так легко дышать.

меня успокоил дождь, он принёс
прохладу
в мои жутко душные будни безделий, и
я вдруг поняла, что, может быть, и не
надо
опять упиваться тобой,
умирать,
любить.

всё проще гораздо стало.
а это значит,
что вот он – конец, завершенье, итог,
финал.
мы больше не рядом, не ссоримся и не
плачем.
кто знал, что так будет.

мой милый, ну кто же знал?

* * *

ты понимаешь, что ты не нужен.
не то что им, самому себе.
ты разливаешься мутной лужей
в очередном непонятном дне,

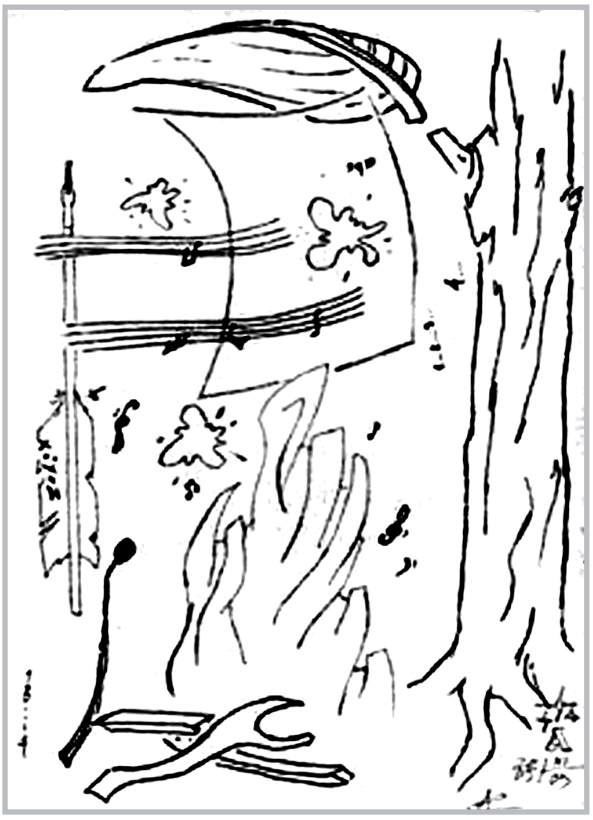


Рисунок Анны Секериной

тебя оставили, позабыли,
как забывают в квартире зонт.
ты в лени тонешь и дышишь пылью,
всё чаще в мыслях есть месть и зло.

но ты молчишь. и терпимо, робко,
глядишь, как счастливы без тебя,
в своей квартирной пустой коробке
ты познаёшь, какого терять.

терять людей.
самых близких, лучших.

осознавать, что они не те.
что ты впустил ненароком в душу
того, кто этого не хотел.

* * *

листья опавшие втоптаны в грязь и лужи.
осень нам мстит за шиворот мокрым
снегом,
если мы не в депрессии, то простужены.
если не в одиночестве, то не с теми.

если к нам прикасаются, то небрежно.
если хотят быть рядом, то для чего-то,
мы до сих пор не знаем, что значит
нежность.
каждый из нас, как сброшенный лист,
растоптан.
мы – поколение страхов и меланхолий,
дети, больные осенью и несчастьем.

мы все друг друга раним, потом уходим,
чтоб бесконечно мучаясь,
возвращаться.

* * *

Я пытаюсь себя находить не в твоих руках.
Получается слабо.
Но получается ведь.
Вместо цикла стихов за неделю одна строфа,
От которой в итоге выжила только треть.
Я себя нахожу в объятиях других мужчин,
Они руки целуют в истоме и прочат рай.
Но я память о нас ношу,
Как тяжёлый щит.
И он лучшая в мире защита, стена, броня

От ненужных чувств и страданий, что
«про любовь».
От горячих слёз по причине взаимной
лжи.

Если честною быть, мне сейчас не
хватает слов…
На вопрос «Что случилось?»
Я всем отвечаю: «Жизнь».

Роман Порубов

Рязань

Роман Вячеславович Порубов. Родился 24 сентября 1993 года в Рязани. Начинающий поэт и музыкант. Пишет стихотворения уже более пяти лет. Имеет авторскую страницу «ВКонтакте», а также профиль на сайте Стихи. Ру. Главным в жизни считает саморазвитие.

* * *

Я так хочу закрыть глаза,
Понять, что жизнь – всего лишь сон.
Где небо словно бирюза
И я как будто бы влюблён.
Что существую без опаски.
Но это сказки,
Просто сказки.
Бредовый вымысел, не боле.
А вот реальность такова,
Что за стеною люди спорят,
Размениваясь на слова
И их же складывая в фразы.
Порой переходя на крик.
Существование – зараза.
К которой ты уже привык.

* * *

Горький привкус остывшего чая.
Час за часом смотрю в пустоту.
Нет озлобленности, только отчаяние.
От того, что любил не ту.

От того, что не той писал,
Душу вкладывая в каждое слово.
Расстояния не замечал,
Дожидался ответа снова.

От того, что не тою грезил,
Засыпая во тьме ночной…
Оказался вновь бесполезен.
Обескровленный и пустой.

* * *

Потерялся во внутреннем мире.
Не нашёл я иного выхода.
Снаружи один, в пустой квартире,
В ожидании нового выдоха,
Заливаю старые раны
Алкоголем, хоть так и не легче.
Забываю, как выглядят люди,
Забываю звук собственной речи.
Какие там, к чёрту, встречи,
Когда хочется забиться в угол.
И даже время не лечит,
Превращая секунды в уголь.

Отрава

Слова сложились в сотни фраз,
Пролились чёрным на бумагу.
Бессмысленный, пустой рассказ.
Письмо, впитавшее отраву.

Оно сгорит, наполнясь светом,
Накормит страждущий огонь.
Любовь. Страшней отравы нету.
Снежинкой – пепел на ладонь.

* * *

И всё прошло,
Остались лишь отметины на теле.
Душевных ран не излечить никак.
Без смысла жизнь, и нервы на
пределе,
Я думаю, что сделал всё не так.
Не то сказал и был забыт не теми,
Любил не тех и предал сам себя.
Поэтому и был заброшен всеми
В тот самый дальний угол бытия.

* * *

Как далеко мечта моя!
Так близко, в сумраке забвенья,
Стирая грани бытия,
Надежда гибнет на спасенье.

Года кружат песчаной бурей.
И слёзы застят мне глаза.
Не прекратить страданья пулей,
Холодной сказкой из свинца.

Останусь ни живым, ни мёртвым.
Меж адом, раем и землёй.
Пускай навеки обречённым,
Но всё-таки самим собой.

* * *

Сквозь ночь, метель, немые грёзы,
Сквозь расстоянья и года,
Не испугавшийся мороза,
Ответ летит сквозь города.

Слова, пролившись на бумагу
Слепым и яростным дождём,
Как будто дремлют. Мерным шагом
Идёт к квартире почтальон.

Стучится в дверь, даёт конвертик.
А в нём лежит душа моя.
Убережёшь меня от смерти.
Пока цела она – жив я.

Александр Беспалый

Омск

Александр Владимирович Беспалый. Родился 8 июля 1987 года в Омске. «Пишу стихи не как профессиональный автор, а когда посещает муза, спокойно могу написать несколько четверостиший на темы, что приходят мне в голову...»

Записки сумасшедшего (записка первая)

А солнышко встаёт рано,
А люди ложатся поздно,
И я на стул перед окном встану
И буду смотреть на звёзды.

А за окном ночь и темень,
И кошки мяукают, ходят,
Захочется мне пельменей,
И мысль меня с ума сводит.

А магазины-то ведь не работают,
И на стуле стоять уж тоскливо,
За окном комары, мухи лётают,
И собачка пробежала мимо.

А я-то стою, замерзаю,
Хоть и ветер не такой холодный,
И потихоньку в сон уезжаю,
И фасон пижамы на мне модный.

А на улице всё тише и тише,
Я стою, не дышу, испугался,
Слышу, голуби скачут по крыше,
И от страха чуть не об... ся.

А на улице кто-то вскрикнул,
У меня сразу сердце сжало,
Я со стула быстрей спрыгнул –
И в постель бегом, под одеяло.

А заснуть всё-таки не могу я,
И зарылся в одеяло от страха,
И у кошек есть семья своя,
А я всё один, словно плаха.

А в голове моей что-то мутит,
Словно целое царство,
Тут медсестра меня с утра будит
И говорит – принимай лекарство…

Записки сумасшедшего (записка вторая)

Целыми днями лежу на кровати,
Тупо гляжу в потолок,
Не дома, конечно, а в общей палате,
Ведь в обществе жить бы не смог.

Утром приходит ко мне медработник
И заставляет пилюли глотать,
Иногда выгоняют всех нас на субботник,
Где можно побегать и поиграть.

Кормят, мне кажется, очень неплохо,
Сладкое тоже нам часто дают,
С культурной программой, конечно же, плохо:
Психи в больнице у нас не поют.

Есть же у нас ещё производство,
Клеем коробочки, вяжем носки,
Ну и, конечно же, есть садоводство –
Яблоки, груши, томаты свои.

Ночью тоскливо сны мне не снятся,
Тупо гляжу в потолок,
Сбежать не могу, а просто валяться,
Ведь в обществе жить бы не смог…

Анастасия Орлова
Омск

Анастасия Юрьевна Орлова. Родилась 20 августа 1987 года в Барнауле (Алтайский край). Студентка филологического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Журналист. Футбольный аналитик. Печаталась в местных периодических изданиях, международном художественно-публицистическом журнале «Современная литература мира», литературном журнале «Вольный лист». Живёт в Омске. Корректор, менеджер по работе с авторами в журнале любителей «Бульвар Зелёный».

Семейная драма

В магазине молодая пара долго и напряжённо выбирает платье жене. Неожиданно между уставшими супругами возникает непонимание, постепенно перерастающее в конфликт.

Жена – властная молодая женщина внушительных размеров. Домохозяйка, любит удивлять окружающих и командовать мужем. Муж – молодой парень, худощавого телосложения, глуповат, труслив, обычно делает то, что скажет супруга.

Жена: – Слушай, дорогой, посмотри, идёт ли мне это платье. Оно такое милое, какая у него обшивка, какие кружева… Посмотри! (Стоит у зеркала, сверху на себя прикинув платье, но не своего размера.)

Муж: – Ах, дорогая, ты свои округлые формы видела? (Искривляет лицо.) Оно тебе, откровенно говоря, не подходит. Маленькое. Как будто не знаешь, что такая одежда трещит на тебе по швам. Наверное, тебе нравится позориться, ходить, как бомжиха, в рванье! Ты ведь находка для любого диетолога!

Жена: – Хм, какой же ты всё-таки злой… И это говорит мне человек, нисколько не разбирающийся в моде, носящий до дыр одну пару семейных трусов? Вспомни, с каким скандалом ты расстался со своими обносками! Я их из зубов у тебя вырывала, до драки дело дошло. Так ты побежал на помойку их искать, всё перерыл, нашёл и гордо с этим «триумфом» снова вернулся домой…

Муж: – Дорогая, ну имей же совесть! Ты уже три часа копаешься в этих тряпках. Надоела мне и продавцам!

Жена: – Ты на себя посмотри. Както тёплым вечерком… ты наелся, отправился с друзьями в спорт-бар и… не вернулся. Я морги, больницы все обзвонила, полицейских, их собак для поиска подключили. А он, довольнёхонький, оказывается, со своим другом-алкоголиком в обнимку под кустом лежит в двух шагах от дома, прикрылся ветками, сладко спит! Что, сил не хватило к жене доползти? (Меняет тембр голоса.)

Муж: – А что мне идти? Ты там одна весь диван занимаешь. Я сплю на краешке, и каждую ночь сталкиваешь меня. Надоело спать на полу!

Жена: – Да тебе не привыкать спать стоя!

Муж: – Как это? (Удивляется.)

Жена: – Да вот так. Вспомни как в прошлом году, когда ты в очередной раз напился с друзьями, и вы дебоширили в нашем дворе на детской площадке, переломали лавочки, перебили стёкла в подъездах, в машине у соседа, кричали, что «армия – сила»! Лучше бы ты голову себе так проломил! На самом деле ты ни разу там не служил! В своё время вообще в обморок падал от слова «армия». Вместо тебя хотели другого парня отправить… Сам пытался заставить парня сдать за тебя все анализы, документы… Но наш сосед тебя поймал, и как обещал, свернул в бараний рог! До сих пор стыдно перед всей округой.

Муж: – Я всё равно стоять не буду, мне утром на работу… (Обиженно говорит.)

Жена: – На какую работу? Тебя три года назад уволили. Но ты продолжаешь ездить туда. Что, манит бывшая работёнка! Да? Наверное, опять таскаешься на завод дегустировать с охранниками свои чаи под сорок градусов? После таких дегустаций домой приползаешь, даже через порог квартиры не можешь перелезть! Или тебя приносят без сознания, в соплях собутыльники… Устала я от этого.

Муж: – Ты на себя посмотри! (Злится.) Одна кастрюлю борща съедаешь, вприкуску с котлетами. Не ложками ешь, а поварёшками. Тебя нельзя никуда в гости отправлять, ты там объедаешь людей! Даже подруги от тебя еду прячут. В прошлом году ты так объела моих друзей, что они голодом месяц сидели! Потом обижались на меня, компенсацию попросили. Диеты твои меня просто убивают! Главное, не ты худеешь, а я. Зачем мне нужны такие жертвы? Меня уже свободно можно морским узлом вокруг шеи завязать.

Жена: – Вместо того, чтобы оскорблять, мы бы лучше куда-нибудь сходили, отдохнули. (Меняется в лице.)

Муж: – Дорогая, вспомни, как мы сходили в театр – опозорились. Ты села на сидение и застряла, тебя вместе со мной сотрудники театра из сидения выколупывали. Хотели вызвать сотрудников МЧС с болгаркой. Или как ты зашла в автобус в заднюю дверь, а из передней двери все пассажиры вышли. Только тронулся автобус – лопнули шины!

Жена: – Знаешь, что? Я про тебя не говорю, ты помни, как в этом же театре захрапел, что слышали даже актёры на сцене. Пришлось мне прикрывать тебя собой, чтобы те сценарий не забыли.

Муж: – Я не говорю про человека, вопли которого слышали чуть ли не в Галактике. Ты шла на ровном месте подскользнулась, упала и… продавила асфальт. Я думал, что земля перевернётся под твоим натиском, начнётся землетрясение, цунами, национальное бедствие… Наши соседи этажом ниже каждый вечер крестятся перед сном. Не дай Бог, такая крупная женщина свалится с потолка на очередной сломанной кровати! Они уже намертво прибили к потолку люстру. Им надоело, что она постоянно падает. Я про твои ночные визиты к холодильнику молчу! Каждую ночь ты превращаешься в монстра. Один раз так летела на кухню, выломала двери, толкнула меня, что я впечатался в стену. На этом месте осталась облупленная штукатурка, а в последний раз я вообще чуть не выпал в окно. Благо, что успел за косяк ухватиться… (Говорит обиженно.) Кто на тебя такую обратит внимание?

Жена: – Ты же обратил…

Муж: – Твои родственники меня слёзно просили, чтобы мы расписались. Твой дядя обещал полцарства после свадьбы. Да только никакого царства у бывшего вора и рецидивиста и в помине не оказалось! Помнишь, как я тебя на своих руках носил? На этих «трудовых мозолях»! (Изображает.) Родственники обещали также носить... Но когда тёща приезжает к нам, я ухожу спать в подъезд, на лавочку во дворе, под забор, куда угодно, лишь бы её не видеть! И не слышать странных разговоров.

Жена: – Врёшь ты всё!

Муж: – Ты вспомни нашу первую брачную ночь. Ох, и натерпелся я! Пока всех твоих непутёвых родных, таких же колобков и прочих, съевших все наши годовые запасы, отправили по домам, утро наступило. Тогда в темноте ты случайно присела на меня, так и увезли по неотложке в реанимацию, обнаружили у меня три перелома в разных местах.

Жена: – Вот кто бы говорил, лучше вспомни, в каком виде ты всегда возвращаешься домой с рыбалки? Грязный, чумазый, как партизан, в волосах ошмётки от рыбы, водоросли, глина, изо рта невыносимый перегар. Тебя с морским чудовищем не спутаешь! И как на грех наш сосед дядя Петя рано утром встретил тебя за углом и…

от ужаса сразу ушёл на тот свет! Бедняга! У тебя зубы в шахматном порядке остались с частью невыбитых мозгов… Представь как ты плох, что даже твои любовницы мне звонят и просят, чтобы я забрала твоё тело обратно, мол, с браком мужичка подсунули, ничего там же уже давно не функционирует…

Муж: – Вот кто бы говорил? Это меня жалеют люди. Как увидят нас вместе на улице, подходят, плачут, жалеют, мол, мужик, сочувствуем тебе, крепись! Зачем я с тобой связался? Мне приходится постоянно таскать тебя с огромными сумками на себе, в магазин, из магазина, с этажа, на этаж, потому что ты не влазишь в отечественный автопром и ходишь медленно.

Жена: – Да кто тебе виноват, что ты всю сознательную жизнь копишь на новый автомобиль и накопить не можешь? Всё, ухожу от тебя, надоели мне твои выкрутасы. К своим подругам уйду жить… Какой ты после этого мужик? (Обижается.)

Муж: – Куда ты пойдёшь? Кто тебя ждёт? Ты ещё с подругами, такими же бомбочками, организуй клуб пышек, брошенных мужьями! Сначала будешь там дискутировать о высших материях, писать статейки в журналы, возненавидишь всех мужиков в мире, а потом вообще выйдешь на улицу митинговать, устроишь революцию. А кто мне борщ будет варить? Ну, уж нет! Бери платье, какое понравилось? Иди быстро на кассу. И без фокусов – домой...

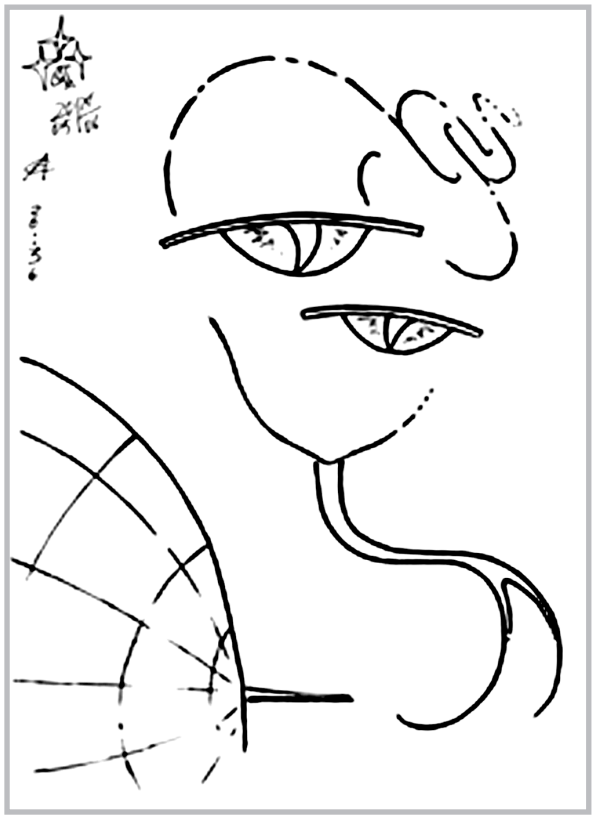


Рисунок Анны Секериной

БУЛЬВАР ЗЕЛЁНЫЙ
№ 2

Уважаемые авторы!

Журнал «Бульвар Зелёный» выполняет редакторскую и корректорскую работы в помощь при издании книг, брошюр. Также редакция журнала выполняет рецензирование рукописей, проводит тематические консультации с авторами.

Расценки – ниже существующих на рынке.